

0 $\frac{9}{315}$

ВОСПОМИНАНІЯ.

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ

1815 ГОДА.

А. МИХАЙЛОВСКАГО - ДАНИЛЕВСКАГО.

02-49281

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ.
Санктшпербургъ, 1 Февраля 1831 года.

Ценсоръ, О. Сетковскій.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

33562-50
ПОДАЧЕНО

33562-50

2007043607

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1815 году я имѣлъ счастіе находиться въ свитѣ Императора Александра Павловича на Вѣнскомъ Конгресѣ, въ походѣ во Францію и въ обратномъ путешествіи Его Величества чрезъ Брюссель, Швейцарію и Нѣмецкую землю въ Россію. Отрывки изъ журнала, веденнаго мною въ то время, были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а нынѣ, издавая ихъ въ совокупности, счишаю нужнымъ предупредить, что читатель не найдетъ въ нихъ той полноты разсказа о происшествіяхъ, какъ въ историческихъ Запискахъ, которыя во множествѣ печатаются въ чужихъ краяхъ. Я только предлагаю здѣсь нѣкоторыя мысли, возбужденныя во мнѣ предметами,

меня окружавшими, и начинаю со
дня опъезда моего изъ Вѣны въ
Главную кварширу арміи, копо-
рая погда назначена была дѣй-
спвовапъ прошивъ Франціи.

ГЛАВА I.

ОТЪЗДЪ ИЗЪ ВѢНЫ. — ПРИВЫТІЕ ВЪ МИНХЕНЬ. — БАВАРСКІЙ ДВОРЬ. — ПРИЪЗДЪ ВЪ СТУТГАРДЬ. — ЛУДВИГСБУРГЪ. — ГЕЙЛЬБРОНЬ. — ПРИЪЗДЪ ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГЪ.

14го *Мая*. Вчѣра, въ прекраснѣйшій вечерь, я отправился изъ Вѣны въ Минхень и Спущгардъ, а опшуда въ главную нашу кварширу, въ Гейльбронь. Всю ночь я думаль о шомъ множесшвѣ разныхъ лицъ, кошорыя находилися на Конгресѣ, о добродѣтеляхъ и слабоспяхъ, кошорыхъ я былъ свидѣшелемъ, объ успѣхахъ просвѣщенія и о силѣ предразсудковъ, о великолѣпныхъ праздникахъ при Дворѣ и объ уединенныхъ прогулкахъ моихъ въ окреспноспяхъ Вѣны, словомъ сказашь, воображенію моему предспавлялись всѣ суешы шумнаго, безпримѣрнаго восьми-мѣсячнаго пребыванія нашего на Конгресѣ, и вмѣспѣ съ шѣмъ занимали

меня мечпы о предспоявшемъ пушешеспвѣи и походѣ.

Первые лучи солнца заспали меня недалеко отъ Мелька, и разсыали беспорядокъ моихъ мыслей; я любовался прелеспиями, щедро разсыпанными здѣсь рукою природы. Нѣсколькo почтъ слѣдовали мы по берегу Дуная, имѣя въ лѣво цѣпь Спирійскихъ горъ, изъ-за которыхъ показывались снѣжныя высоты Тироля; на правой сторонѣ не прерывался рядъ богатѣйшихъ селеній, около которыхъ видны были шаринные замки и пасущіяся стада. Окрестности Энца и Линца прекрасны; въ каждой деревнѣ и въ каждомъ городѣ множествo народа ожидало прибытія Государя.

14го Мая мы прѣхали въ Нимфенбургъ, загородной дворецъ, вершнъ шесть разстояніемъ отъ Минхена, гдѣ Баварскій Король намѣренъ былъ принять Государя. Минхенъ расположенъ на неизмѣримой равнинѣ, усаженной, такъ сказать, деревьями; дорога отъ него до Нимфенбурга покрыта была любопытными. Государь изволилъ насъ лично представить Королевской фамиліи. Король сказалъ мнѣ: »будьше у меня въ гостяхъ безъ всякихъ церемоній.« Нельзя не лю-

бывашья, видя Короля и супругу его въ кругу шести маленькихъ прекрасныхъ дочерей, копорыхъ воспитаніемъ занимаешя онъ самъ. Преимущественно обращаетъ на себя вниманіе старшая дочь Короля, бывшая Вице-Королева Италійская, одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ нашего времени. Въ какомъ величїи видѣлъ я ее пому пять лѣтъ назадъ въ Миланѣ, въ цвѣтѣ лѣтъ, на пресполѣ одного изъ богатѣйшихъ царствъ въ мїрѣ! Король обращается съ придворными на дружеской ногѣ: искренность его и шулки заспавляютъ забываетъ санъ его. Дворъ его состоитъ человекъ изъ двадцати пожилыхъ Каммергеровъ самыхъ старинныхъ фамилій; но я не нашелъ между ними людей, по заслугамъ своимъ принадлежащихъ Испорїи, каковыхъ прїятно встрѣчалъ на ступеняхъ пресполовъ.

Любопытнѣйшій вельможа есть Графъ Монжелась, копорый управляетъ шремя Минисперствами: Иносшраннымъ, Финансовъ и Внушренимъ, заключающимъ въ себѣ также Минисперство Правосудїа и Просвѣщенїа. Я съ удовольствїемъ слушалъ умные и краснорѣчивые его разговоры, и смошрѣлъ на выра-

зипельныя черны лица его. Монжеластъ, какъ всѣ люди, занимающіе важныя мѣста, имѣють своихъ приверженцевъ и зависнниковъ; но ему должно опдасть справедливоспъ, что внупреннее управленіе Баваріи приведено имъ въ большую исправноспъ, и что въ опношеніи къ иноспраннымъ Державамъ онъ посшавилъ опечесво свое на шакую спепень величія, на какой оно никогда прежде не бывало.

На другой день мы ѣздили въ Минхенъ, гдѣ городъ давалъ балъ Имперашору въ Театрѣ. Лишь шолько Его Величесво прибылъ, какъ началась Русская пляска, продолжавшаяся около чешверши часа; пошомъ явились акшеры, одѣтые въ плашье различныхъ народовъ, обипающихъ въ Россіи, и проходили мимо нашей ложи при громѣ музыки. Король предложилъ обойши по паршеру, и едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли водопадъ, а подъ нимъ изображеніе Каменнаго Оспрова, кошорый останешся незабвеннымъ въ нашей Испоріи, какъ любимое мѣспопребываніе Государя Имперашора. Поздній попомокъ, приспавая къ сему оспрову, съ умиленіемъ будешъ смошрѣшь на жилище Монарха, кошораго душа досшупна была всякаго рода бла-

тимъ впечатлѣніямъ. Послѣ сего играли комическую Оперу; во время представленія Государь казался скучнымъ, а я вступала въ разговоры съ многими изъ придворныхъ. Въ Германіи наружность людей ничего не общаетъ, но она обманчива; трудно познакомишься съ жителями сей благословенной страны, но чѣмъ болѣе ихъ узнаешь, тѣмъ труднѣе съ ними разстаться; связи дружбы, съ ними однажды заключенныя, пребываютъ неразрывны во всю жизнь.

Мая 17. Сего дня мы ожидали прибытія Австрійскаго Императора. Послѣ обѣда весь Дворъ вышелъ на балконъ, чтобы встрѣтить Его Величество. Я находился подлѣ Вице-Короля Италійскаго, на чертахъ лица котораго примѣтно уныніе, что при настоящихъ обстоятельствахъ иначе и быть не можешь. Онъ началъ говорить со мною объ обыкновенныхъ предметахъ, но я старался склонить рѣчь на войну 1812 года. Чести нашей никто не оприметъ; Русскіе поставили ее на незыблемомъ основаніи; но не менѣе того пріятно мнѣ было слышать отъ ближайшаго родственника Наполеонова, и одного изъ искуснѣйшихъ Генераловъ, похвалы, воздаваемыя имъ

Князю Смоленскому и арміи нашей. »Вы мнѣ позволите сдѣлать замѣчаніе, сказалъ онъ, что это первой ученый походъ Русскихъ, и въ ономъ показали вы превосходство вашихъ офицеровъ и солдатъ. Я раздѣляя, продолжалъ онъ, со всею Французскою арміею увѣренность въ успѣхъ; но ваши воинскія распоряженія заспавили меня вамъ удивляться.« Прибытіе Императора Франца и Супруги его прервало нашъ разговоръ. Всѣ пошли ихъ встрѣчать, и проводили пошомъ, по обыкновенію, до комнатъ, назначенныхъ для Ихъ Величествъ. Послѣ сего придворные начали расходиться, говоря другъ другу: »какой сего дня былъ шягостный день! до вечера ничего не будетъ, ужинъ назначенъ въ девять часовъ.«

19го Мая я выѣхалъ изъ Нимфенбурга. Погода была прекрасная, воздухъ благорасшворенный, и я непримѣнно доѣхалъ до деревни Эслингена, гдѣ мнѣ надлежало ожидать Государя, и гдѣ я встрѣтилъ Короля Виршембергскаго. Я представился Его Величеству, и провелъ съ нимъ около часа. Король все сіе время говорилъ о Франціи, о Рейнскомъ Союзѣ, о войнѣ и о подобныхъ важныхъ предме-

шахъ; онъ также вспоминалъ о службѣ своей въ Россіи, и объяснялся съ такимъ благоразуміемъ и такъ краснорѣчиво, что вселилъ въ меня особенное уваженіе. Изъ Нѣмецкихъ Государей онъ одинъ, копорый, во время владычества Французовъ, умѣлъ сохранить призракъ независимости. О немъ говорили: »въ Виршембергѣи нѣтъ Королевства, но есть Король.« Онъ управляетъ Государствомъ своимъ самъ; ни одинъ изъ Министровъ не имѣетъ вліянія на дѣла. Правленіе его строго; подаши очень велики; нѣкоторые на сіе жалуется, но за то нигдѣ въ Германіи нѣтъ такого порядка, какъ въ Виршембергѣи и такого великолѣпія какъ при Спущгардскомъ Дворѣ. Ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ нѣтъ подобія той пышности и устройству, какъ здѣсь. Наполеонъ, во время блеска Сен-Клудскаго Двора, присылалъ сюда чиновниковъ для изученія порядка, здѣсь введеннаго.

По прибытіи Государя въ Эслингенъ, мы сѣли въ придворныя коляски, и отправились въ Спущгардъ, по дорогѣ, лежащей вдоль берега рѣки Некара, среди богатыхъ селеній, за которыми видна была цѣпь горъ; на одной изъ нихъ находилась развалины замка Варшенберга,

ошкуда происходишь нынѣ царствующій Домъ. Выстрѣлы изъ орудій, распавленыхъ на возвышеніяхъ, возвѣстили приближеніе Государя; мы ѣхали по прекрасному парку мимо оранжерей, звѣринцевъ и увеселишельныхъ домовъ Короля. Все возвѣщало блистательную встрѣчу. Дворъ ожидалъ насъ на лѣстницѣ замка; на ступеняхъ распавлены были Каммергеры и Пажи, облипые, шакъ сказаць, въ золотѣ, а въ переднихъ комнапахъ кавалергарды и прабаншы, въ сшаринной Нѣмецкой одеждѣ. Горницы въ замкѣ не соошвѣщсшвуютъ блеску, въ кошоромъ я видѣлъ придворныхъ: онѣ малы, убраны не богашо, но со вкусомъ. Послѣ обыкновенныхъ предспавленій пригласили насъ въ Театръ, гдѣ взоръ мой былъ ослѣпленъ пышноспію нарядовъ, и необыкновеннымъ множесшвомъ знаковъ опличія, украшавшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

21го *Мая*. Мы переѣхали изъ Сшупгарда въ Лудвигсбургъ, обыкновенное лѣшнее мѣспопребываніе Короля. Повсюду видны богашо одѣшые придворные и часовые; но городъ похожъ на казарму, пошому, чшо на улицахъ ни кого кромѣ военныхъ, не встрѣчашся. Съ нами вмѣ-

спѣ прибылъ сюда также Императоръ Австрійской, и по случаю встрѣчи его и представленія двумъ Императорамъ, придворные во весь день суешились. Я между тѣмъ разсматривалъ внутреннія комнаы замка, и невольно остановился въ кабинетѣ Короля, гдѣ висѣтъ при портретахъ, а именно: Петра Великаго, Фридриха Втораго и Герцога Фердинанда, кошорой почищается однимъ изъ мудрейшихъ Государей въ Виршембергѣ.

Вечеромъ Дворъ отправился въ Монрепо, на балъ, а я поѣхалъ въ Спущгардъ, чтобы познакомиться съ славнымъ Ваятелемъ Даннекеромъ. Дорогою я любовался опшѣннымъ обработываніемъ земли; она здѣсь плодороднѣе, нежели въ Баваріи, гдѣ, по близости Тирольскихъ горъ, бывающъ холодные вѣтры. Селенія въ Виршембергѣ богачѣе, крестьяне зажиточнѣе, города и деревни выспросены правильнѣе. Спущгардъ не обширенъ; въ немъ только одна порядочная улица. Къ сожалѣнію, я не заспалъ Даннекера дома, но мнѣ показали его мастерскую, гдѣ я видѣлъ Аріадну, лежащую на барсѣ. Она принадлежитъ къ изящнѣйшимъ статуямъ въ Свѣтѣ, и смѣло можетъ быть поставлена на ряду съ произведеніями

Кановы. Нѣжность пѣла, красота лица, выраженіе, все чрезвычайно; жаль, что на мраморѣ есть нѣсколько черныхъ пятенъ, происходящихъ отъ того, что кусокъ, изъ котораго она изваяна, былъ два года въ рѣкѣ Ронѣ. Въ мастерской видѣлъ я, сверхъ того, прекрасныя грудныя изображенія Шиллера, Госпожи Алопеусъ и Князя Метшерниха.

24го *Мая*. Мы выѣхали изъ Лудвигсбурга и прибыли въ Гейльбронъ, небольшой городокъ, лежащій въ прекрасной долинѣ; здѣсь наша главная кваршира. Ежеминутно прѣзжаютъ сюда Генералы, офицеры, курьеры; нѣтъ болѣе ни придворныхъ, ни вельможъ, ни баловъ; все приняло военный видъ; думаютъ уже не о веселостяхъ, а о славѣ, и жалуютъ только, что наши войска еще далеко отъ Рейна. Главная кваршира Австрійцевъ находилась въ это время шестъ миль впереди, въ Гейдельбергѣ, и хотя они увѣряли, что въ семь городъ очень шѣсно на счетъ помѣщенія, но Государь, желая, по обыкновенію своему, находиться въ средоточіи военныхъ дѣйствій, велѣлъ имъ отвѣчать, что для него нужно не болѣе одного или двухъ домовъ, а что главная кваршира его можетъ распо-

жишься въ близлежащихъ оупъ Гейдельберга деревняхъ, почему мы шуда на другой день отправились.

Дорога оупъ Гейльбронна до Гейдельберга прелестна. Красота мѣсположеній, чистой лазуревой сводъ небесъ, непомрачаемый ни однимъ облакомъ, шихое печеніе Некара у подошвы крупныхъ горъ, наспроили духъ мой шакъ поэшически, что я молилъ дневное свѣшло умедлишь бѣгъ свой, дабы я могъ за свѣшло прѣхашь въ Гейдельбергъ, и видѣшь окрестности его. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ; народъ покрывалъ улицы; спуденшы съ веселыми, ошкрытыми лицами напоминали мнѣ счастливые годы жизни моей; Профессоры продолжаютъ чинашь свои лекціи. Однажды я зашелъ къ одному изъ знаменишѣйшихъ изъ нихъ; учебная комнаша его наполнена была слушателями. Въ двѣнадцати версахъ оупъ Французской границы, среди военнаго шума, они предаются Наукамъ съ шакимъ жаромъ, что забываютъ положеніе, въ кошоромъ находишься полишической мѣрь. Зачѣмъ не раздѣляю я съ вами заблужденія вашего? подумалъ я, и шихими шагами пошелъ на гору, на кошорой возвышающа разва-

лины спариннаго великолѣпнаго замка; съ ней видна долина, проспирающаяся до самаго Мангейма, устьянная деревнями, городами и садами; посреди оной опкрывається все теченіе Некара; вдали мелькають Рейвъ и синѣющія горы, лежащія во Франціи. Тамъ спояшь уже непріятели; и пакъ шолько двѣнадцать верстъ опдѣляютъ насъ опъ нихъ: скоро грянетъ громъ оружія!

ГЛАВА П.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГѢ. — ЗАГОРОД-
 НЫЙ ДОМЪ ГОСУДАРЯ. — ВОЕННЫЯ СОВѢЩА-
 НІЯ. — ПОВѢДА ПРИ ВАТЕРЛО. — ПРИѢЗДЪ
 ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ. — ВЫСТУПЛЕНІЕ.

По прибытіи въ Гейдельбергъ, Госу-
 дарь переѣхалъ въ скоромъ времени за
 городъ, въ домъ Англичанина Пикфорда.
 Когда сему послѣднему сказали, что Им-
 ператоръ желаетъ поселиться въ его
 домъ, по онъ, принявъ сіе за особенную
 честь, обѣщаль въ шопъ же день все
 приготоуовить для принятія Его Величе-
 ства. Въ это время вошелъ Государь,
 благодарилъ хозяина чиспымъ Англій-
 скимъ языкомъ, и желалъ познакомиться
 съ супругою его и шестерыми дѣшми,
 копорыхъ онъ осыпаль ласками, и при-
 гласилъ бывать въ саду ихъ такъ часто,
 какъ имъ угодно, обѣщая, что въ немъ
 все будетъ сохранено въ прежнемъ видѣ,
 какъ было и при нихъ.

Однажды случилось мнѣ проходить

мимо сего сада, расположеннаго у подошвы крупныхъ горъ, защищающихъ его отъ холодныхъ вѣтровъ, и я увидѣлъ въ немъ Государя, Который поливалъ цвѣшы. Я ошановился и съ особеннымъ чувствомъ смошрѣлъ на величайшаго Монарха въ Европѣ, предводившаго Монарха силами всѣхъ Державъ, наканунѣ, можетъ быть кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ должна была рѣшиться участь царствъ, и занимавшагося цвѣшми! Потомъ Онъ взошелъ на гору и долго смошрѣлъ на прелесныя окрестности; казалось, что Онъ счастливъ былъ, любуясь красотою природы, и видъ спокойствія, которое въ сіи роковыя минуты было начертано на Его лицѣ, долго мнѣ ошанется памятенъ.

Мы прожили въ Гейдельбергѣ отъ 25 Мая до 10 Іюня, ожидая приближенія нашей арміи, которая въ началѣ Іюня мѣсяца и начала прибывать. Полки наши приводили въ удивленіе мужественнымъ видомъ солдатъ, исправностію оружія и хорошимъ состояніемъ лошадей. Иностранцы не понимали, какъ Русскіе могли пройти, не ошанавливаясь, отъ Нѣмана до Рейна, съ такою поснѣпностію, сохранивъ во всѣхъ частяхъ опшн-

ный порядокъ. . Особенно было пріятно
 смопрѣшь на воиновъ, выслужившихъ
 узаконенный двадцати-пяти лѣтній срокъ.
 Имъ предлагали ошсшавку въ началѣ на-
 споящаго года; но они, извѣспась о по-
 ходѣ, просили позволенія учасшвовашь
 въ ономъ. Галушь на лѣвой рукѣ ошли-
 чаешь сихъ вешперановъ. Іоаннь Мюллеръ
 сказалъ: »Природа показала, что она ода-
 »рила Россію необыкновенною силою. Ну-
 »жно шолько прикоснушь до нее, чтообъ
 »увидѣшь, какъ Держава сія развиваеть
 »всеобъемлющее свое могущеспво. Она
 »едва познакомилась при Владимірѣ съ
 »просвѣщеніемъ Грековъ, и при Петрѣ
 »съ образованіемъ Европейцевъ, какъ уже
 »сношенія ея обняли всѣ великія Дер-
 »жавы.« Если бы дѣписашель сей до-
 жилъ до нашего времени, шо присо-
 вокупиль бы: »лишь шолько двадцать
 »народовъ покусилися нарушишь благо-
 »денспвіе великой Имперіи, какъ въ пе-
 »ченіе полупора года по нашеспвіи ихъ
 »Русскіе уже въ другой разъ за Рейномъ.«

Между шѣмъ почши ежедневно соби-
 рались Генералы Союзныхъ Державъ для
 сосшавленія плана военныхъ дѣйспвій.
 Какъ въ подобныхъ случаяхъ водишся,
 они сначала не соглашались во мнѣніяхъ

на счепъ операціонныхъ линій. Одни думали, что выгоднѣе, раздѣливъ армію, одной изъ нихъ переправившись чрезъ Рейнъ въ Базель, прикрыть Швейцарію, и начавъ наступательныя движенія не прежде, какъ по присоединеніи къ ней Австрійскихъ войскъ, шедшихъ изъ Неаполишанскаго Королевства, а другой армію, переправяся у Мангейма, итти по направленію на Сень-Дизье, и обвить арміямъ соединившись около Шомона. На сіе возражали, что принимая Шомонъ за точку соединенія, надлежитъ къ оному слѣдовать кратчайшимъ путемъ изъ Спрасбурга, а не изъ Базеля, ибо переправяся у сего послѣдняго города, лишаемся возможности въ случаѣ сраженія дѣйствовать совокупными силами. По долгихъ преніяхъ, въ коихъ разсуждаемо было также о продовольствіи и о томъ, какихъ Державъ войскамъ поручить наблюденіе за непріятельскими крѣпостями, наконецъ рѣшились на слѣдующее: *первое*, Россійской арміи итти на Триръ чрезъ горы Гундсрюкенъ, не занимая Кейзерслаушерна, съ тѣмъ, что она, будучи въ готовности подкрѣпить армію Блюхера, направившаяся на Сень-Дизье, а чрезъ то облегчитъ соединеніе свое съ

Австрійцями, копорые, перейдя Рейвъ въ Базель, пойдуть чрезъ Бекфоръ на Лангръ и Шомонъ, для сближенія съ Россіянами. *Второе*, Баварцамъ не начинатьъ наступательныхъ движеній до прибытія нашихъ войскъ, назначенныхъ для надзора за крѣпостями лѣваго берега Рейна. *Третье*, сорока одной тысячѣ Австрійцевъ обложитъ Безансонъ, Оксонъ, Шлешшшадъ, Бекфоръ, Гюннингенъ, Бризакъ, Форъ-Жу, Салинсъ и л'Экюзъ. Изъ числа сихъ войскъ восемнадцати тысячамъ войти въ составъ гарнизона Майнца и блокадныхъ корпусовъ около Спразбурга и Ландау. *Четвертое*, шридцати пяти тысячамъ Русскихъ обложитъ Мець, Тіонвиль, Сарлуи, Бичъ и Фальцбургъ, и одиннадцати тысячамъ изъ оныхъ послупитъ въ блокадные корпусы около Спразбурга и Ландау. Люксембургскому гарнизону подкрѣплятъ войска, опредѣленные для блокады Меца и Тіонвиля, и дѣйствовать съ ними совокупно, если нужда шого востребуешъ.

Въ слѣдствіе сего, Россійская армія, соединясь, около 20 Мая, между Кобургомъ, Бамбергомъ и Нюренбергомъ, слѣдовала къ Рейну въ прехъ колоннахъ по дивизіямъ, разспояніемъ въ одномъ пере-

ходъ одна опъ другой. Авангарду ея надлежало бытъ на Рейнѣ около 6 Іюня, а послѣднимъ Русскимъ войскамъ приспѣшь шуда 17 Іюня. Какъ по сему плану вся армія наша должна была находиться въ первой линіи, по велѣно Графу Вилгенштейну, расположенному на Курляндской и Липовской границахъ и въ Царствѣ Польскомъ, выступить въ походъ, такъ, чшобы часть его войскъ направилась на Триръ, а другая расположилась около Бамберга, и сославляла запасъ для дѣйствующей арміи, а Графу Милорадовичу приказано съ гвардіею выступить изъ изъ С. Пешербурга въ Ковно.

Сіи предположенія оказались однако же мечшательными, ибо 8 Іюня получено извѣстіе о началіи дѣйствій въ арміи Блюхера и о разбитіи сего полководца при Линьи. Хотя успѣхи Наполеона сами по себѣ не были значительны, ибо Пруская армія, вѣроятно, скоро должна была соединиться съ Англійскою; но послѣдствія ихъ могли бытъ важны въ политическомъ отношеніи: ибо общее мнѣніе, бывшее до сего раздѣленнымъ вразсужденіи предпріяшя Наполеона, могло вновь обратиться въ его пользу. Немедленно собранъ былъ Военный Совѣтъ,

въ копоромъ рѣшили оставивъ прежде принятой планъ идти нашимъ войскамъ на Триръ, и назначили двумъ арміямъ, Русской и Австрійской, сосредоточиться на пространстве между Майнца и Базеля, и следовать къ Нанси, куда предположено было достигнуть 29 Іюня. Баварцамъ поручили прикрывать наше правое крыло, а Графу Ланжерону, командующему шестымъ корпусомъ, обложить Спразбургъ и Ландау. На случай опешуиленія армій, должны были построиться на Рейнѣ при мостовыя укрѣпленія.

Едва приказанія для приведенія въ дѣйствіе сихъ мѣръ были разосланы, какъ 10 Іюня побѣдные клики возвѣспили о сраженіи при Ваперло. Радость была не описанная, тѣмъ болѣе, что, послѣ пораженія Прусаковъ при Линьи, не только не ожидали успѣховъ, но опасались услышать о новыхъ подвигахъ Французовъ. Тотчасъ велѣно было нашей арміи и Австрійской переправиться чрезъ Рейнъ и устремиться на Парижъ; а дабы имъ бытъ сколь можно ближе одна ошъ другой, то Русскія войска, перейдя 14 числа Рейнъ, должны были сдѣлать нѣсколько маршей влѣво вверхъ по сей рѣкѣ, оставя вправо ошъ себя прямую

Парижскую дорогу. Нашей арміи назначено было слѣдовать по Франціи въ прехъ колоннахъ: правая находилась подъ начальствомъ Дохшурова, средняя Сакена, а лѣвая Раевского, при копорой Союзные Монархи избрали свое пребываніе. Баварцы пошли впередъ насъ въ одномъ или въ двухъ маршахъ, а Виршембергскій Наслѣднй Принцъ прикрывалъ наше правое крыло со стороны Спрасбурга. Государь, на другой день послѣ сего извѣстія, переѣхалъ изъ Гейдельберга въ Мангеймъ.

Къ достопамятностямъ пребыванія нашего въ Гейдельбергъ, принадлежишь также пріѣздъ шуда Великихъ Князей. Бывшій при воспитаніи Ихъ Высочествъ Генераль Ламздорфъ возвратился въ Россію, и мѣсто его занялъ Коновницынъ, копорому предшояла честь руководствовашъ на военномъ поприщѣ Внуковъ Екатерины. Доспойная награда шому, кшо въ великомъ дѣлѣ освобожденія Россіи снискалъ себѣ безсмертное имя!

ГЛАВА Ш.

МАНГЕЙМЪ. — ШПЕЙЕРЪ. — ПАРИЖСКІЯ НОВОСТИ. — ДЕПУТАТЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. — ОБРАЩЕНІЕ СЪ ФРАНЦУЗАМИ. — ПАРТИЗАНЫ. — НАНСИ.

Мирный и пустынный Мангеймъ наполнился Русскими; на улицахъ его только и видны были безчисленные ряды нашихъ войскъ, артиллеріи и обозовъ, стянувшихся за Рейнъ. Однако же, все возвѣщало, что война не могла бытъ продолжительна, ибо извѣстія, получаемыя ежечасно изъ Франціи, свидѣтельствовали о быстрыхъ успѣхахъ Веллингтона и Блюхера. Вскорѣ мы узнали и объ опреченіи опъ престола Наполеона, безъ котораго Французы не были въ состояніи съ нами воевать. Нѣсколько разъ носились слухи о его смерти, и будто въ непріятельской арміи опдано было въ приказъ, que le grand homme a passé. Начальники Французскихъ передовыхъ войскъ неоднократно предлагали заключить пере-

миріе; одинъ изъ нашихъ Генераловъ на сіе было согласился, полагаясь на увѣреніе Французовъ, что съ опреченіемъ Наполеона прекращающіяся военныя дѣйствія; но Государь былъ симъ поступкомъ недоволенъ, и приказалъ подтвердити всеѣмъ Генераламъ, чпобы не вступали ни въ какіе переговоры съ непріятелемъ. Въ концѣ собщвенноручнаго повелѣнія по сему предмету Его Величества къ Фельдмаршалу Барклаю де-Толли было сказано: »Съ благословеніемъ Все-»вышняго, съ помощію шаковыхъ полководцевъ, каковы вы, и съ храброспію не-»оцѣненныхъ нашихъ войскъ, Я надѣюся »привести къ окончанію сію новую вой-»ну и достигъ до благодѣшельнаго для »дѣлой Европы мира.«

15 Іюня поутру мы отправились изъ Мангейма въ Шпейеръ. Войска проходили по мосту черезъ Рейнъ, и потому я долженъ былъ ѣхать по оному шихо, и смотрѣлъ безмолвно на каршинные берега рѣки. Шпейеръ принадлежитъ къ самымъ стариннымъ городамъ; въ немъ любопышенъ Соборъ, гдѣ погребали долгое время Германскихъ Императоровъ. Здѣсь покоишся Рудольфъ Габсбургскій, кошораго памятникъ разломанъ; а близъ него ле-

жишь прахъ Императора Генриха IV, который ходилъ пѣшкомъ въ Римъ просить у Папы отпущенія грѣховъ. Гробница его въ цѣлоспи, между тѣмъ, какъ на обломкахъ гробницы основашеля Австрійской Монархіи лежишь овесъ и солома, пригошовленные для проходящихъ войскъ.

16 *Юня*. Я ѣхалъ одинъ изъ Шпейера въ Рейнсабернъ, имѣя вправо цѣпь Вогезскихъ горъ, коихъ подошва усѣяна богатѣйшими селеніями; по лѣвую сторону пропекалъ Рейнъ, омывающій плодородную долину, а позади его синѣлись горы благословенной Германіи. Вершины ихъ покрыты развалинами рыцарскихъ замковъ, едва мелькавшими изъ-за шума, сквозь который проходили первые лучи солнца. На половинѣ дороги я видѣлъ крѣпость Ландау; шамъ непріатели, а здѣсь Русскіе шли въ гусномъ спрѣ: это подало поводъ къ размышленію о политическомъ равновѣсіи — семь благодѣтельномъ феноменѣ, явившемся въ послѣднія при шпольшія — которое шоль тѣсно соединило между собою Державы, что для благоденствія ихъ нужно, чтобы Русскія войска были съ оружіемъ въ рукахъ въ нѣдрахъ Франціи, между

шѣмъ, какъ Французы въ собственнѣйшей землѣ своей укрываются въ крѣпостяхъ.

Парижскія новости составляли предметъ общихъ разговоровъ; всѣ читали съ жадностію Французскія Вѣдомости, въ которыхъ изображалась борьба различныхъ партій, господствовавшихъ во Франціи. Никогда Членамъ Палаты и журналистамъ не представлялось обильнѣйшаго поля для преній. Пользуясь правомъ свободнаго книгопечатанія, они описывали шѣ минушы, когда полководецъ, одаренный чрезвычайными воинскими способностями, принужденъ, подобно Аннибалу послѣ Замы, искать спасенія въ бѣгствѣ, когда соотечественники ихъ, долго привыкшіе къ побѣднымъ слухамъ, видя шѣ армию свои сокрушенными, когда многочисленныя ополченія народовъ подступаютъ къ столицѣ ихъ, — словомъ скажутъ, шѣ минушы, когда опечесство ихъ гибнетъ. Одни оплакивали народную честь и славу, пошеряныя безвозвратно; другіе питались упованіемъ счастливаго переворопа: но всѣ думали найпти обезпеченіе независимости своей въ политическихъ формахъ. Спранно, что почти никто не обращалъ вниманія на диктаторскую власть, которая одна спасала

Державы, бывшія въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Франція. Духъ журналістовъ упадаль ежедневно болѣе, по мѣрѣ, какъ они узнавали о повсемѣспномъ опспупленіи ихъ армій, и объ увеличивающихся успѣхахъ Союзниковъ. Сколько занимательно содержаніе Парижскихъ Вѣдомостей, сполько же примѣчательно краснорѣчіе ихъ издашелей: самыя заблужденія ихъ и лжеумспвоанія писаны щегольскимъ перомъ.

18 Іюня мы выспустили изъ Вейсенбурга въ Гагенау, куда я пріѣхаль въ прекраснѣйшее ушро, имѣя во всю дорогу въ виду очаровашельныя мѣспоположенія. Проѣзжая Гагенаускій лѣсъ, я наслаждался благоуханіемъ деревъ и прокладой лѣшняго вѣшперка. Если всегда пріятно бышь посреди природы, то сколь безцѣнны шѣ минушы, кошорыя проводимъ въ нѣдрахъ ея во время военное, когда малѣйшая изъ красощъ ея заспавляешъ забыванъ и спрасши, обуевающія свѣшть, и бѣдспвія человѣчеспва, кошорыя видимъ безпреспанно предъ собою! Миновавъ лѣсъ, отккрылся Спразбургъ и множеспво городовъ и деревень, лежащихъ вдоль Рейна. Здѣсь я вспрѣшилъ 17-ю пѣхошную дивизию. Оплочи-

пельная черта нашихъ солдатъ есть, что ихъ ничто не удивляетъ: они съ тѣмъ же равнодушіемъ смотрѣли на мѣста, по коимъ шли, какъ бы находились въ Россіи; иногда опголосокъ заунывныхъ пѣсень напоминалъ Волгу и Днѣпръ.

Мы извѣспились въ эшопъ день, что въ Парижѣ учреждено Временное Правительство, которое опправило чиновниковъ въ нашу Главную кварширу. Союзные Государи послали къ нимъ на встрѣчу Графа Шувалова, съ препорученіемъ сказать, что Монархи не намѣрены принять ихъ, что чиновники должны объявить Графу предложенія своего правительства и ожидать въ Реймсѣ опвѣща. Графъ Шуваловъ съ ними разъѣхался, и Депутаты прибыли въ Главную нашу кварширу. Ихъ было шестеро, а именно: Лафаетъ, Себастиани, Лафоре, Понпекуланъ, Аржансонъ и Бенжамень-Конспанъ. Они привезли письма къ союзнымъ Министрамъ Иностранныхъ Дѣлъ, съ полномочіемъ вступитъ въ переговоры. Между тѣмъ, какъ Спашсъ-Секретарю Графу Канодистрия велѣно было съ ними объясниться и сказать имъ, чтобы они ѣхали въ Лаушербургъ, версхъ въ панадцати ошъ Гагенау, куда имъ обѣщано

прислать опвѣсть, — Лафаепъ пришелъ къ Начальнику Шшаба Государева, однако же не былъ имъ принятъ. Когда онъ вошелъ въ переднюю комнату Начальника Шшаба, шо Адьюпантъ спросилъ его, кпо онъ таковъ. »Не бывъ коронованною главою, я пользуюсь уваженіемъ Монарховъ,« опвѣчалъ Лафаепъ. Графъ Каподиспрія пробылъ у Депушатовъ весь вечеръ, и выходя опъ нихъ въ полночь, сказалъ мнѣ: »Они говорятъ, что Палашны признали Императоромъ сына Наполеонова; но изъ словъ ихъ видно, что эшо одна личина. Себаспіани объясняется лучше и умнѣе, нежели прочіе. Бенжамень-Констанъ слишкомъ горячится.«

Наслѣдный Принцъ Виршембергскій разбилъ непріятельскаго Генерала Раппа, и принудилъ его опспушить къ спѣнамъ Спразбурга. Чрезъ часъ послѣ полученія о семь донесенія, Государь опсправилъ къ Принцу до шридцати орденовъ для награжденія оными опличившихся. Въ шо же время сосшавили особой корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Гогенцоллерна, для обложенія Спразбурга, а Принцу Виршембергскому велѣно примкнуть съ своими войсками къ нашему лѣвому крылу. Будучи такимъ образомъ

обезпечены со стороны Спразбурга, мы пойдёмъ не на Кенигфельдъ и на Муцигъ, какъ полагали прежде, а прямо на Савернъ, чѣмъ сократимъ двумя переходами путь къ Нанси, куда прибудемъ черезъ чепыре дня. Къ нашей лѣвой колоннѣ присоединяющіяся вшорая и прешья гренадерскія дивизіи, и Прусская гвардія и гренадеры, копорыхъ Король подчинилъ Барклаю. По сему поводу Государь написалъ къ нему, чшобы онъ вѣжливимъ письмомъ изъяснилъ Королю свою благодарность за сдѣланную ему честь порученіемъ подъ его начальство сихъ опборныхъ войскъ.

21 *Іюня*. Зной необыкновенный; но армія, не ошпанавливаясь, дѣлаешъ самыя большіе переходы, испинно Суворовскіе; мы не имѣли еще ни одной дневки съ самой переправы чрезъ Рейнъ. Войска однако же не унывають, и походъ не можешъ бытъ для насъ благопріятнѣе, пошому, чшо получаемъ почти ежедневно извѣстія объ успѣхахъ нашихъ Союзниковъ: на югѣ Австрійцы шѣсняютъ Лекурба, а Англичане и Пруссаки находятся близъ Парижа. Въ нашей Главной квартирѣ почти не примѣшно, чшо существуетъ война; мы выспунаемъ въ по-

ходъ обыкновенно очень рано, ѣдемъ прекрасною дорогою, всѣ довольны, Государь верхомъ и весель. Слѣдованіе нашихъ войскъ по непріятельской землѣ никогда не было устроено съ бѣльшимъ порядкомъ; доказательствомъ служило то, что по сихъ поръ не подано еще ни одной жалобы со стороны жителей; сіе опчасти происходитъ и отъ того, что наши опасаются имѣть какой либо споръ съ Французами, пошому что начальство наше при разбирашествовѣ обыкновенно сихъ послѣднихъ оправдываютъ. Хотя сія мѣра не всѣмъ кажется справедливою, однако же я думаю, что нельзя довольно щадить жителей непріятельской земли, и заспавлишь ихъ забываятъ несчастіе — видѣть чужеземныя войска въ своемъ отечествѣ. За то Французы такъ довольны Русскими, что Меръ или Городничій одного города сказывалъ мнѣ, что обыватели окружныхъ селеній просили его изъ милости помѣщать къ нимъ посломъ Русскихъ предпочтительно предъ другими союзными войсками.

По вечерамъ бываетъ у насъ музыка, и мы гуляемъ по окрестностямъ пѣхъ мѣстъ, гдѣ оспаиваемся для ночлеговъ. Сегодня прибыли мы въ Сарбургъ,

а упрямъ проходили Вогезскія горы. Поедику крѣпость Фальцбургъ намъ не сдалась, и она стоишь на большой дорогѣ, по которой намъ надлежало слѣдовать; но мы принуждены были ее обойтишь проеками, по лѣвую сторону ошъ крѣпости. Маршъ былъ весьма затруднителенъ, по причинѣ высокихъ и крупныхъ горъ; но мѣстоположенія споль красивы, что я забывалъ усалось. Австрійскіе обозы тянулись съ прудомъ по горамъ. Не говоря о полковыхъ шажесяхъ, у одного Императора Франца сто семьдесятъ пять экипажей, а весь обозъ нашего Государя состоишь изъ тридцати чешырехъ повозокъ. Графъ Ожаровскій былъ посланъ пребовать сдачи Фальцбурга, но получилъ отказъ. Коменданты Французскихъ крѣпостей отвѣчаютъ обыкновенно съ ошмѣннымъ благородствомъ на дѣлаемые имъ предложенія о сдачѣ; будучи образованы въ побѣдоносныхъ спанахъ, они не могутъ привыкнуть къ шой мысли, что они побѣжденные.

Въ городахъ и деревняхъ жишели, стоя у дверей, на насъ смощрашь; они сполько посшрадали ошъ беспреспанныхъ переворошовъ, что предались совершенно-

му равнодушію. Я видѣлъ Нѣмцевъ во время ихъ униженія: духъ пакъ сильно не упадалъ у нихъ, какъ у Французовъ, копорые неохотно говоряшь о полишическихъ происшествіяхъ; я видѣлъ даже шаковыхъ, копорые отказывающа опъ чшенія Вѣдомостей. Можно сказашь, что Франція заключаеша въ Парижѣ, и обывашели Департаментовъ ожидающъ, что изъ столицы прикажущъ провозглашашь, Республику, или Генриха Четвертаго, или Имперію.

Іюня 22. Не успѣли мы пройши Вогезскія горы, какъ Французы образовали въ оныхъ партизанскую войну; опряды ихъ находяща подъ начальствомъ двухъ опшавныхъ офицеровъ, Вольфа и Бриса. Вчера одинъ изъ моихъ поварищей былъ посланъ изъ Сарбурга въ Нанси; проѣхавъ нѣсколько версшъ, онъ увидѣлъ показавшихся изъ лѣсу крещьянъ, числомъ около ста, копорые начали по немъ спрѣляшь не взирая на то, что съ нимъ было восемь казаковъ прикрышія; они ранили офицера и двухъ казаковъ. Извѣстіе сіе произвело небольшое безпокойство въ нашей Главной кварширѣ, потому что предположено было пустишь впередъ съ вечера сопуществующія намъ одинадцашую

и семнадцашую дивизию, а Государь намѣренъ былъ ѣхать въ слѣдъ за ними сегодня поутру; въ конвоѣ же Его Величества находящяся шолько двѣнадцашъ лейбъ-казаковъ. Въ слѣдствіе сего происшествія велѣно опушку лѣсовъ на дорогахъ занимать пѣхоцою, и мы пойдемъ уже съ войсками. Какая разница между сими Французскими партизанами и Русскими, существовавшими въ оппечесвенную войну! Сии послѣдніе находили живѣйшее содѣйствіе между жишелями шѣхъ мѣшъ, гдѣ они показывались, въ то время, какъ Франгузы порицающъ своихъ партизановъ. Меръ городка Блалеона извѣстилъ даже письмомъ о испинно злодѣйскихъ и разбойничьихъ намѣреніяхъ ихъ, копорья къ счасію однако же не совершились.

Іюня 23. Мы пріѣхали въ Нанси, одинъ изъ любопышныхъ городовъ по большимъ площадямъ, широкимъ улицамъ, прекраснымъ гульбищамъ, садамъ и алеямъ, насаженнымъ Спаниславомъ Лещинскимъ. Чернь возспавала вчера и прешьяго дня прошивъ Бурбоновъ. Трудно знашь, кого Франгузы желаютъ: они называютъ Буонапарша жеспокимъ, Бурбоновъ слабыми, а республиканцами бышь не хопяшь; но

всѣ соглашаюпся, что конспиратионное Правленіе необходимо. Бунты, бывшіе на сихъ дняхъ, происходили опъ того, что нѣкоторыя изъ жителей надѣвали шрехъ-цвѣтныя кокарды, а другіе бѣлыя и орденъ Лиліи; паршизаны и жандармы приходили изъ близлежащихъ крѣпостей и возбуждали народъ къ сопротивленію Союзнымъ войскамъ, увѣряя, что Наполеонъ приближается съ сильною арміею. Чернь ходила толпами по улицамъ, грозя ограбить дома преданныхъ Королевской партіи. Она собралась передъ окнами дома, гдѣ живешь тяжело раненый Ромиспръ Бервиць, бывший Адъютантъ Князя Баграціона. »Смерть Русскому! мы шребуемъ его крови!« кричала народная сволочь. Для опшращенія подобныхъ явленій, приказано опшбратъ оружіе опъ жителей; они сами приносили оное въ дома, назначенные для складки. Я видѣлъ одного Француза, кошорый, опдавая шпагу свою, поцѣловаль ее со слезами. Едва наши войска заняли Нанси, какъ на Рапушѣ было вышавлено бѣлое знамя, украшенное лиліями, и множество людей съ знаками сего ордена покрыли улицы и площади.

Французы всѣхъ соспояній обращаюптъ

особенное вниманіе на Государя. Лѣспница, сѣни и переднія комнашы дома, гдѣ Его Величествво изволишь оспанавливатъся, бывающъ наполнены народомъ съ упра до вечера; лучшіе люди города ожидающъ по нѣскольку часовъ минушы, чптобы взглянуть на Императора: не шакъ бываешъ на улицахъ, гдѣ живущъ прочіе Союзные Монархи.

Въ Нанси я познакомился съ одною Русскою барынею, вышедшею замужъ за Француза, и шамъ поселившешюся. Сколь ей радосшно было увидѣшь своихъ единопземцевъ въ своемъ новомъ опечесствѣ, сіе легко можно себѣ представить, а чпто она оказывала услуги плѣннымъ и раненымъ нашимъ, шп весьма еспешвенно. Она разсказывала мнѣ о разныхъ неприяшностяхъ, прешерпѣнныхъ ею опъ Французскаго Правительсшва, особенно во время правленія Наполеонова, съ шакимъ презрѣніемъ, каковаго опъ Россіянки ожидашь должно къ споль безнравсшвеннымъ людямъ, каковы чиновники бывшаго Повелишеля Франціи.

Іюня 26. Паршизаны спановящешя безпрешанно предпріимчивѣе; увѣряющъ, чпто начальникъ ихъ, Брисъ, ночевалъ въ Нанси, въ день нашего опъѣзда. Сегодня

они показывались въ виду Государя, изъ
лѣса, по обѣимъ сторонамъ дороги, на
возвышеніяхъ, съ копорыхъ они подающъ
сигналы другъ другу. Они ранили одного
гусара, и Государь, услыша выстрѣлъ сей,
поѣхалъ съ Авспрійскимъ Имперапоромъ
на ту самую гору, откуда онъ раздался.
Нѣкто сказалъ при семъ случаѣ, «что
»въ первый разъ въ свѣшѣ разбойники
»нападающъ на двухъ Имперапоровъ.» Но
это скоро было забыто, ибо на переходѣ
между Нанси и Линьи мы получили из-
вѣстіе о занятіи Парижа Англійскими и
Прусскими войсками: разговоры о мирѣ
и о Парижѣ, котораго память еще пакъ
свѣжа, заснули мѣсто пригошвленій
къ военнымъ дѣйствіямъ.

ГЛАВА IV.

Состояніе Франціи. — Отъездъ изъ Главной квартиры. — Дорога до Шалона. — Дорога до Мо. — Въездъ въ Парижъ. — Свиданіе Государя съ Людовикомъ XVIII. — Дворецъ Элизе-Бурбонъ. — Замѣчаніе о вторичномъ въездѣ Государя въ Парижъ.

Франція находилась въ сіе время въ безначаліи; разсѣянныя войска ея соединялись на лѣвомъ берегу Лоары; народъ ругался надъ мѣстными начальствами; въ нѣкошорыхъ городахъ обнаруживалась междоусобная война; Народное Собраніе, непризнаваемое законнымъ Союзными Государями, было раздѣлено во мнѣніяхъ, кого надлежало избрать на пресполь Франціи; Парижане волновались и были ожесочены нѣкошорыми поскупками Союзниковъ, особенно тѣмъ, что Пруссаки намѣревались взорвать Іенскій мостъ. Безопасность Парижа была угрожаема мяшежными жипелями сего города; не-

лзя было полагашься на національную гвардію, попому что она въ печеніе полупора года присягала премъ Правительствамъ, совершенно различнымъ одно отъ другаго. Въ семъ положеніи Веллингтонъ и Блюхеръ почли выше силъ своихъ возстановить порядокъ; имъ надобно было, сверхъ того, знать дальнѣйшія намѣренія Союзныхъ Государей, и посему, извѣстия ихъ о занятіи Парижа, они убѣдительно просили Монарховъ объ ускореніи прибытія своего въ сію столицу.

Львая колонна Россійской арміи, съ копорою слѣдовали Ихъ Величества, пришла 27 Іюня въ Сень-Дизье, разстояніемъ отъ Парижа на 220 верстѣ: слѣдовательно она не могла быть тамъ прежде семи или осьми сутокъ, а между тѣмъ каждая минута была драгоцѣнна. Хотя Французы были обезсилены, хотя ихъ крѣпости были обойдены, ихъ войска обращены въ бѣгство, земля ихъ большею частію занята иностранными арміями: но невозможно было пренебречь опчаяніемъ, которое могло поселиться въ народѣ, состоящемъ изъ двадцати пяти милліоновъ жителей, говорящихъ однимъ языкомъ и помнящихъ недавнюю славу своего имени. Минута медленности

заставила бы, можетъ быть, проливатьъ рѣки крови человѣческой. Съ другой стороны казалось слишкомъ опважнымъ проѣхавъ изъ нашей Главной кварширы до Парижа болѣе 200 верспъ проспрансва, незанятаго нашими войсками.

Государь рѣшился однако же отпра-
 виться изъ Сень-Дизье, слѣдовапельно
 изъ того самаго города, гдѣ Наполеонъ,
 въ Маршѣ мѣсяцѣ 1814 года, сдѣлавъ дви-
 женіе на линію сообщеній Союзныхъ ар-
 мій, лишился преспола. Главная кварши-
 ра наша продолжала слѣдованіе съ лѣвою
 колонною чрезъ Сезанъ и Куломье, а Его
 Величество, оставя оную 27 Іюня, по-
 ѣхалъ чрезъ Шалонъ, вмѣстѣ съ Импе-
 рапоромъ Францомъ, съ коимъ находи-
 лись Канцлеръ Князь Меллернихъ и
 Оберъ-Гоѣмаршалъ Графъ Врбна и съ Ко-
 родемъ Прусскимъ, коему сопущспвовалъ
 Канцлеръ Князь Гарденбергъ, а при Госу-
 дарѣ находились Спашсъ-Секретари по ино-
 спранной часпи и Начальникъ Его Шшаба,
 при копоромъ былъ я. Мы всѣ помѣспи-
 лись въ девяти экипажахъ, и положено
 было не отспавать другъ отъ друга и
 ѣхавъ вмѣстѣ. На каждой спанціи до го-
 рода Мо выставлено было по пятидеся-
 ти казаковъ, назначенныхъ насъ сопро-

вождашь подъ начальствомъ Графа Орлова-Денисова, которъй на одной и той же лошади, слѣдуя за скорою нашею почтовою ѣздою, вмѣстѣ съ нами въ одинъ день прибылъ въ Шалонъ. Множество народа окружало насъ во всѣхъ селеніяхъ, особенно на почтахъ; жители принимали насъ довольно равнодушно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они буйными толпами шѣснились вокругъ коляски Государя, и грубымъ и сиповатымъ голосомъ, свойственнымъ Французскимъ крестьянамъ, провозглашали по Генриха IV, по Короля Римскаго, по Императрицу Марію Луизу, по Лудовика XVIII, иногда Наполеона, — но чаще всего слышно было: да здравствуетъ Императоръ Александръ! О прочихъ Союзныхъ Государяхъ не упоминалъ никто ни слова. Такъ и простой народъ во Франціи знаетъ, что ошъ Русскаго Царя зависишь участь его.

Должно удивляться, съ какою смѣлостію Государь рѣшился на шоль опасной пушъ, въ кошоромъ соння рѣшишельныхъ Французовъ могла перемѣнить участь вселенной. Мы объѣзжали почти непроходимую дефилею крѣпость Витри, кошорая еще не едалась, и гдѣ было нѣсколько тысячъ гарнизону. Она обложена

малымъ числомъ нашихъ драгуновъ; Французы со спѣхъ ясно могли видѣть наше слѣдованіе; двѣ колонны вышли изъ города, я содрогнулся, но онѣ скоро возвратились обратно въ оной. Государь могъ сказать въ подражаніе Кесарю: »чего ты спрашишься, ты везешь Александра!«—Ввечеру мы пріѣхали въ Шалонъ, гдѣ оспановились для ночлега. Улицы долго наполнены были народомъ; жители удивлены нашимъ пріѣздомъ; они не поспигають, какимъ образомъ мы находимся посреди ихъ безъ войскъ.

28 Іюня, рано поутру, мы отправились въ путь по большой дорогѣ ведущей чрезъ Эперней, Шашопіерри и Мо. Рѣзвые кони несли насъ по плодоносной равнинѣ, орошаемой Марною, коея берега, испещренные цвѣтами, образуютъ прекраснѣйшія мѣстоположенія. Опъ города Мо, кошорый неволью напоминаетъ Боссюэша, мы ѣхали безъ прикрытія, и встрѣчали на каждомъ шагу Французскихъ солдатъ, возвращавшихся поодиначкѣ въ дома свои; у нѣкошорыхъ были ружья, на кой они едва осмѣливались сморѣть. На лицахъ ихъ начерпана была горесъ, и всѣ кланялись намъ вѣжливо. Эпо были оспашки арміи, называвшейся нѣкогда

великою; вѣроятно, нѣкоторые изъ сихъ воиновъ были за два года въ Кремль! Какое разспояніе опъ сего унизительнаго соспояніа до шой гордосши, копорую Французы оказывали прежде! Сердце мое сильно запрепешало, когда мы проѣхали мимо деревни Бонди, гдѣ мы провели незабвенную ночь наканунѣ 19 Марша 1814 года, и гдѣ объявлено было Коленкуру, что съ пославшимъ его прекращающіяся всякія сношенія, и что съ нимъ въ переговоры болѣе вступать не намѣрены. За селеніемъ Паншенъ открылись предъ нами Монмаршрѣ, все пространство опъ Сень-Дени до Венсена и Парижъ — гошовой принявъ своихъ избавителей!

О Россія! на какую спешень славы ты вознесена! Въ другой уже разъ Царь швой предписываетъ законы Европѣ, въ другой разъ Монархи и народы избирающъ его посредникомъ своимъ, въ другой разъ могущеспвенная армія швая даруетъ миръ вселенной! Признаюсь, что я почипалъ себя счастливымъ, находяся шоль близкимъ свидѣтелемъ ея шоржешва, копорое въ шу минушу исполняло всю душу мою. Неизъяснимыя чувшва и мысли волновали меня, когда мы въ семь часовъ вечера вѣхали въ предмѣ-

стіе Парижа; уже мы въ воропахъ Сень-Маршенъ, уже на бульваръ, уже въ улицъ Сеньш-Оноре! Толпы народа бѣгутъ за нами. Парижане не полагали шакъ скоро видѣшь Государя; радостъ ихъ спановипся шѣмъ сильнѣе, чѣмъ прїѣздъ Его Величешва для нихъ неожиданнѣе. Многіе смотряшъ на Государя и не узнаюшъ Его, а потомъ, подобно человѣку, заключенному въ мрачную шемницу, кошорый впервые по освобожденіи видипъ дневное свѣшпило, Парижане взываюшъ въ воспоргъ: вошъ Александръ! вошъ нашъ избавишель! вошъ Русскіе!

Государь ошпановился во дворцъ, называемомъ Элизе-Бурбонъ, гдѣ изволилъ жишъ и въ прошломъ году. Чрезъ полчаса прибылъ Король Французскій, кошораго Имперашоръ встрѣшилъ на крыльцъ. Оба Монарха провели вмѣшшъ болѣе часа. Когда они вышли изъ комнашы, въ кошорой бесѣдовали, шо на Государѣ была голубая ленша ордена Свяшаго Духа, и Лудовикъ XVIII, обрашясь къ намъ, сказалъ Государю: »Ваше Величештво, объявише всимъ господамъ, чшо на васъ не ленша »Св. Андрея Первозваннаго.« Они разошались, шо видимому, ласковѣе и дружнѣе, чѣмъ встрѣшились. Если бы сердце Але-

КСАНДРА доступно было самолюбію, по какому удовольствію должно оно было предаваться въ семь свиданіи, гдѣ онъ являлся въ видѣ наспоющаго покровителя Короля Французскаго, коего предки, въ недавнія еще времена, при всякомъ удобномъ случаѣ спаралися брашъ первенство надъ нашимъ Дворомъ!

Послѣ опъѣзда Короля, народъ до самой ночи толпился на улицѣ передъ дворцемъ Элизе-Бурбонъ, гдѣ Государь оспановился и гдѣ Наполеонъ провелъ послѣднее время царствованія своего, и опрекся опъ преспола. Никпо не занималъ комнашъ его; мебели въ оныхъ въ шакомъ же положеніи, какъ онъ были при немъ; его садовники, нѣскольпо приврашниковъ и служишелей не лишились мѣспъ своихъ; садъ сохрانيةпся въ шакомъ же порядкѣ; два лебеда, какъ и при немъ, плавають по чиспому пруду. Между шѣмъ, какъ присланые изъ Тюльерійскаго дворца мепрѣ-д'опели въ нарядныхъ кашпанахъ, съ напудренными головами, и украшеные орденами Лилии, накрывали на споль и успавляли его опборнѣйшими винами и самыми лакомыми яспвами, я ходилъ по комнашамъ Элизе-Бурбонъ, и заглянулъ въ шемный ален его сада, ду-

мая, что до послѣдняго вѣка, въ кошорый прекрапшя существованіе нашего міра, люди будущъ спекашья сюда, размышлять о преврапности Царспвъ и вспоминашья обь Александръ, кошорый здѣсь, въ черпогахъ своего соперника, споя на высшей степени челоуѣческаго величія, предавался уединенію и возносился мыслию къ небу.

Ежели ничто не можешъ сравнишья съ шоржеспвеннымъ вспупленіемъ нашимъ въ Парижъ въ прошломъ году, когда Государь, послѣ невѣрояпныхъ пожертвованій, усилій и побѣдъ, предводишельствовалъ своими войсками, и былъ вспрѣченъ ожидавшимъ Его милліономъ жишелей, то нынѣшній вѣздъ Его Величспва въ сію сполицу оспанется не менѣе памяпнымъ. Онъ еспъ единспвенный въ лѣшописяхъ міра, ибо не слыхано, чтообъ Монархъ вѣзжалъ въ сполицу непрїяшельскую безъ одинаго воина и съ малымъ шолько числомъ приближенныхъ особъ, чтообы часъ вспупленія его сдѣлался залогомъ общаго спокойспвія, и чтообы побѣжденный народъ сказаль, говоря о своихъ побѣдишеляхъ: »Избавишье-ли наши прибыли, и мы спасены.«

ГЛАВА V.

Расположеніе Парижанъ. — Графъ Сегюръ. — Аудіенціи разныхъ лицъ. — Генераль Сарразенъ. — Переговоры. — Смотры Англійскихъ войскъ. — Живописецъ Жераръ.

Въспъ о прибышій Государя въ Парижъ, съ неимовѣрною быспрошою разнеслася по городу, и успокоила всѣ сословія жипелей на счешъ безопасности ихъ, ибо всѣ различныя паршій, господствовавшія во Франціи, признавали Его своимъ покровишелемъ. Онъ воспановилъ Бурбоновъ, оказывалъ уваженіе фамиліи Герцоговъ Орлеанскихъ, покровишельствовалъ семейшву Наполеонову, и полагалъ преграды неумѣреннымъ шребованиямъ нѣкопорыхъ изъ Союзниковъ: Іенскій мостъ тогда же запрещено имъ было взрывать. Крешьяне прилежащихъ къ Парижу селеній, пригнавшіе въ сполулицу скопъ свой, и перевезшіе въ оную лучшіе пожипки, изъ опасенія, чпо-

бы онъ недоспалися въ руки побѣдителей, узнавъ о прибышїи Государя, немедленно начали возвращаться въ жилища свои.

Я слышалъ подробныя о семъ извѣстія отъ Графа Сегюра, бывшаго Посломъ при Екатеринѣ, въ домѣ копоряго для перваго ночлега отвели мнѣ квартиру, ибо комната моя въ Элизе-Бурбонѣ не была еще готова. Онъ меня принялъ посреди многочисленнаго собранія, у него находившагося, и вспрѣшилъ сими словами: »Вы еще слишкомъ молоды, чшобы помнишь по время, когда я »былъ въ Россїи.« Я отвѣчалъ, чшо пребываніе его оспавило въ памяти соотечественниковъ моихъ неизгладимые прїятныя слѣды. Хотя я и замѣшилъ, чшо нѣкошорымъ изъ госшей, преимущественно изъ молодыхъ, не совсѣмъ утѣшительно было смоспрѣшь на мой Русскій мундиръ: однако же, извиняя сіе весьма еспешвенное чувсшво народной гордости, я симъ не забошился, и съ часъ слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ разговоры моего почшеннаго хозяина, пользовавшагося расположеніемъ Екатерины, Вашингтона и Наполеона, и кошорый, будучи Посломъ, изгнанникомъ, царедворцемъ

и государспвеннымъ человѣкомъ, не преспавалъ обогащашъ ученый свѣспъ сочи-неніями, и шакъ успроилъ жизнь свою, какъ будшо бы она исключишельно посвящена была Наукамъ. Мнѣ кажешся, что одно изъ самыхъ пріятныхъ явленій въ мірѣ еспъ мужъ преклонныхъ лѣспъ, копорый съ спокойспвіемъ взираешъ на закашъ дней своихъ, въ увѣреніи жишъ долго въ памяти людей не по однимъ скороисчезающимъ словеснымъ преданіямъ, но по подвигамъ своимъ, или по произведе-ніямъ ума и воображенія.

На другое ушро Элизе-Бурбонъ наполнился множесспвомъ иносспранцевъ, желавшихъ предспавишся Государю: шущъ находилися и республиканцы, какъ на-примѣръ Фуше, копорые засѣдали въ кро-вавомъ судилищѣ Національнаго Конвенша, и поклонники различныхъ власпей, попеременно обипавшихъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Нельзя было безъ любопытспва смошрѣшъ на лица сіи, коихъ имена бы-ли болѣе или менѣе извѣспны по Испо-ріи послѣднихъ шридцати лѣспъ. Къ обильнымъ происшесспвіямъ сей доспо-памятной эпохи недоспавало пошько, ка-жешся, видѣшъ сихъ людей въ пріемныхъ залахъ Русскаго Монарха, гдѣ они спояли

смѣшавшись съ Прусскими и Англійскими офицерами. Государь обнялъ Блюхера, который, въ продолженіе послѣднихъ войнъ, при каждомъ случаѣ обнаруживалъ особенную свою приверженность къ Императору: »Онъ мой судья, говаривалъ сей полководецъ: я оцъ него принимаю вохошно и выговоры и награды.«—Генералу Ципену, спноявшему подлѣ меня, Государь сказалъ: »Я васъ зналъ Капишаномъ въ походѣ 1807 года: шогда мы »были въ другихъ обспоятельстввахъ; но »не спыдно признавашься въ неудачахъ »для шѣхъ, которые успѣли воспользовашься уроками.«

По окончаніи аудіенціи, явился ко мнѣ человекъ во Французскомъ генеральскомъ мундирѣ; эшо былъ Сарразень, извѣспный своими похождениями и разными военными сочиненіями. Когда онъ объяснилъ причину, по которой онъ ко мнѣ пріѣхалъ, я сказалъ ему, что и я намѣренъ воспользовашься симъ случаемъ, что бы его просить объ одномъ дѣлѣ. — »Приказывайте,« ошвѣчалъ онъ.—Въ предисловіи къ походу въ Испанію, продолжалъ я, вы назвали Князя Кушужева бѣглецомъ изъ подѣ Аушерлица. Знаете ли вы, кшо таковъ былъ спаситель Россіи? —

Изложивъ ему вкратцѣ жизнь нашего Камилла, я заспавилъ его признашься, что онъ не имѣлъ понятія ни о свойствахъ, ни о подвигахъ великаго мужа, и дашь мнѣ слово въ слѣдующемъ изданіи — уничтожишь сіе неприличное выраженіе.

Въ скоромъ времени Русская армія приблизилась къ столицѣ Франціи, и расположилась въ недалекомъ отъ оной разстояніи; много нашихъ Генераловъ и офицеровъ пріѣхали въ Парижъ; почти всѣхъ были въ семъ городѣ прошлогодніе знакомые и связи: человекъ такъ легко привыкаетъ къ самымъ чрезвычайнымъ случаямъ жизни, что посѣщаетъ вооруженною рукою Парижъ, и бытъ шамъ домашнимъ человекомъ во многихъ семействахъ казалося тогда самою просною вещію. Поушру находились въ Элизе-Бурбонъ нѣже самыя лица, копорья прѣжде свѣзжались въ Секретарской комнатѣ Зимняго дворца; для каждаго начались, какъ бы посреди мира, обыкновенныя занятія по службѣ, по окончаніи копорыхъ наслаждались удовольствіями, во множествѣ предшавляющимися въ Парижѣ. Между шѣмъ Союзныя Державы вели переговоры, душею коихъ бытъ Государь, подобно тому, какъ въ продолже-

нѣ походовъ. Онъ былъ душою всѣхъ военныхъ дѣйствій. Когда придетъ время поднятъ завѣсу, сокрывающую тайныя пружины происшествій той эпохи, то увидятъ, что вся Европейская полиптика вращалась около Александра. Одно, что напоминало нѣкопорымъ образомъ войну, это были маневры, которые производили, въ присутствіи Монарховъ, Прусскія и Англійскія войска, занимавшія Парижъ. Появленіе послѣднихъ на твердой землѣ было столь необыкновенно, что нельзя было на нихъ смотрѣть безъ особеннаго вниманія. Они недавно еще почитались неспособными къ сухопутной службѣ, ибо послѣ Марлбруга прошло уже столько а нынѣ подвигами своими, подъ предводительствомъ Веллингтона, они заняли мѣсто на ряду съ лучшими арміями. Видъ Англійскихъ солдатъ мужественный; они одѣты покойно, но не красиво; маневрируютъ съ точностію, но одиночная выправка не удовлетворяетъ требованіямъ нашей рекрутской школы; лошади, сбруя, артиллерія въ совершенствѣ. Веллингтонъ отдаетъ повелѣнія свои хладнокровно. Адъютанты его и офицеры его Штаба, коихъ число въ сравненіи съ про-

чими арміями весьма ограниченно, не суежливы, и хощя внѣ службы къ начальнику своему кажутся не совсѣмъ почтительны, но передъ войсками приказанія его принимающъ съ возможнымъ уваженіемъ, и развозящъ ихъ съ неимовѣрно быспрошою на прекрасныхъ лошадяхъ своихъ.

Вмѣстѣ съ Англичанами учился корпусъ Нидерландскихъ войскъ, которыя казались въ ремеслѣ своемъ споль же новы, какъ и самое политическое существованіе Королевства ихъ. Подлѣ нихъ находился обыкновенно опрядъ Брауншвейгскихъ войскъ, одѣтыхъ въ черныя мундиры, въ киверахъ, украшенныхъ перьями головами, надъ копорыми развѣвались черныя перья. Флеровая повязка на рукѣ каждаго офицера и солдата означала прауръ по убипомъ при Капрѣ-Бра Герцогъ ихъ, и умножала мрачный видъ ихъ войскъ. Посреди маневрировавшихъ полковъ арміи Веллингтона, множество Англичанокъ съ бодростию ѣздили верхомъ, не спрашась пальбы; изъ сихъ оспровишянокъ двѣ ни на шагъ не оплучались опъ Фельдмаршала. Во время смотра, толпы Французовъ съ равнодушіемъ и съ любопытствомъ, копорое

можно только объяснить шѣмъ, что они лишены истинныхъ чувствъ народной чести, по нѣсколькимъ часамъ смотрѣли на движенья, производимыя побѣдителями ихъ на шѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ еще такъ недавно видѣли они опечиственные орлы свои, съ побѣдою носимые изъ одной столицы Европы въ другую.

Въ одно утро мнѣ надобно было ѣхать къ знаменитому Живописцу Жерару, который писалъ портреты Государя. Лѣстницы, переднія, галереи его дома, все обнаруживаетъ жилище Художника: вездѣ древнія вазы, шашуи, барельефы. Жераръ, какъ и всѣ его соотечественники, говорилъ о Государѣ съ восхищеніемъ. »Принимаясь за портреты, сказалъ онъ, я былъ въ недоумѣніи, какіе предметы помѣстить около Императора; ибо Его Величество не одобрилъ первоначальной мысли моей — изобразить Его посреди Парижа. Я намѣренъ былъ представить равнины Россіи, потомъ думалъ я написать богиню мира съ ея принадлежностями; но все это казалось мнѣ обыкновеннымъ и недостоиннымъ единственнаго мужа, котораго черта надлежало кисти моей передать потомству; для сего рѣшился я начертать только одного

»АЛЕКСАНДРА.« Вошь какимъ образомъ онъ сіе выполнилъ. Императоръ, въ конномъ зеленомъ мундирѣ, шляпа съ бѣлымъ перомъ лежишь у ногъ Его, лѣвая рука на ефесѣ шпаги; вокругъ Него свирѣпствуетъ буря; внизу густыя черныя облака; сквозь оныя сверкають молнія, освѣщающая горизонтъ, гдѣ лице Государя является въ свѣтѣ шѣмъ болѣе яркомъ, что свѣтъ сей находишь въ рѣзкой противоположности съ мракомъ, покрывающимъ нижнюю часть картины. Видъ Монарха и взглядъ Его важень, и хотя сходство неразительное, но характеръ Его выраженъ вполне. Таковымъ видѣли мы Его въ ту минуту, когда, ведя войска на приступъ Лейпцига, Онъ приказывалъ Генералу Толю отправиться къ Саксонскому Королю и пребыть, чтобы онъ сдался, или когда подъ Феръ-Шампенуазомъ Онъ атаковалъ лично карей непріятельскіе, или когда на высотахъ Бельвиля говорилъ съ посланными Парижа. »Я не хошѣлъ, сказалъ Жераръ, изобразить на устахъ Его улыбку, какъ сдѣлалъ Изабе, коего миниатюрные портреты могутъ служишь только для перстней или шабакерокъ, потому что мое намѣреніе было предсавишь героя,

»повелѣвающаго вселенной и носящаго въ
 »себѣ судьбы ея.«
 Жераръ водилъ меня по своей мастер-
 ской и сказала: »Вошъ Велисарій, кото-
 »рому я обязанъ тѣмъ, что сдѣлался из-
 »вѣстнымъ; а сія картина познакомила
 »меня съ Наполеономъ: она предсавляетъ
 »по мгновеніе Аустерлицкаго сраженія,
 »когда Генераль Рапъ доносишь Импера-
 »тору, что Французскія войска одержали
 »побѣду. Послѣ окончанія сей картины
 »Наполеонъ давалъ мнѣ очень много пору-
 »ченій, и я бы былъ неблагодаренъ, если
 »бы не признавался, сколько я обязанъ
 »ему и его фамиліи. Я съ нимъ часпо
 »говаривалъ о живописи и нѣсколько разъ
 »писалъ его портреты; онъ не могъ пер-
 »пѣшь, чшобы ему смотрѣли въ глаза.«
 Въ мастерской его находились портреты
 Короля Прусскаго, тогдашняго Наслѣдна-
 го Шведскаго Принца, Фельдмаршаловъ
 Веллингтона и Шварценберга, и другихъ
 знаменитыхъ особъ. Примѣчательно, что
 Французы, издающіе въ свѣтъ посред-
 ствомъ гравировки и литографіи произ-
 веденія своихъ Художниковъ, не вздумаютъ
 напечатать такимъ образомъ портре-
 товъ Жерара, писанныхъ имъ во время дву-
 крашнаго занятія Парижа Союзными вой-

сками. Это происходишь отъ какой-то заспѣчивости, посредствомъ которой они надѣются, вѣроятно, сокрышь отъ попомства космополинизмъ первостепеннаго ихъ Живописца, коего кисть шрудилась надъ изображеніемъ побѣдителей ихъ опечесства.

Черезъ мѣсяць послѣ вѣзда Государева въ Парижъ, по ешь 29 Юля, шрептія гренадерская и вшорая кирасирская дивизіи входили съ шоржешвомъ въ сію шполицу, и въ другой разъ развѣвалися тамъ наши знамена.

ГЛАВА VI.

Состояніе Парижа. — Вѣтреность Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военные. — Извѣстіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лаведоеромъ. — Чернь Парижская. — Бурбоны. — Герцогиня Орлеанская. — Тюльерійскій дворецъ.

Состояніе Парижа въ 1815 году весьма различествовало отъ того, въ которомъ мы нашли его въ предъидущемъ году. Тогда Французы, ушомленные двадцати-пяти лѣтними переворошами и непрерывными войнами, пожавшими милліоны людей, надѣялись найши ручательство своего спокойствія въ правленіи Бурбоновъ. По сей причинѣ всѣ сословія гражданъ желали возвращенія спариннаго Дома своихъ Королей, хопя не всѣ съ равнымъ усердіемъ и равною къ нимъ преданностью, но всѣ съ одинаковымъ ожиданіемъ крошкаго правленія, соопвѣпствующаго духу времени и положенію, въ которомъ находилося ихъ опечество.

Обманушыя въ своихъ надеждахъ, они рукоплескали при появленіи знаменишаго изгнанника съ оспрова Эльбы, при кошоромъ надѣялись, ежели не возвратишь ушраченную славу, искупленную слишкомъ дорогою цѣною, то по крайней мѣрѣ пріобрѣсти швердое правленіе, основанное на началахъ, удовлетворявшихъ ихъ желаніямъ. Но въ семъ случаѣ они нашли сопротивленіе въ Державахъ всей Европы, рѣшишельно объявившихъ на Вѣнскомъ Конгресѣ, что онѣ почишають владычество Наполеона несомѣспнымъ съ общимъ спокойспвіемъ. Побѣда при Вапшерло ушвердила сіе объявленіе, и Бурбоны возвратились во Францію уже не по единодушному желанію народа, какъ въ прошломъ году, но по волѣ Союзныхъ Монарховъ, опъ чего возникъ духъ междоусобій, распрей и даже вражды въ семействахъ, кошорый мы нашли въ броженіи и кошорый, возраспая постепенно и укрьпляясь безпреспавно, по прошеспвіи пятнадцати лѣтъ обрекъ попомковъ свяшаго Лудовика на вѣчное изгнаніе.

Франція предспавляла въ семъ опношеніи любопытное зрѣлище, ибо, по врожденному въ насъ свойспву, мы охопше спмошримъ на народъ, обуреваемый спра-

спями, нежели на спрану, гдѣ царспвуетъ шишина, подобно шому, какъ мы съ большимъ удовольспвіемъ оспанавливаемся на берегу моря, когда волны сильно воздымаются, нежели когда необъяшная поверхность водъ его ничѣмъ не колеблется. Въ эшо несчастное время въспреносшь Французовъ явилась въ полномъ шоржешвѣ. Не смошря на шо, что споллица ихъ и часть Государства были заняшы чужеспранными войсками, что во многихъ мѣсшахъ свирѣспшвовали буншы, осаждали крѣпосши на сѣверной границѣ и кровь десяшкловъ шысячъ жершвѣ дымилася на поляхъ Линьи и Вашерло, шеашры и кофейные дома наполнены были народомъ, и радосшныя шолпы покрывали гульбища. Въ Журналахъ помѣщаемы были спашы споль же обширныя о комедіяхъ, какъ и о священномъ дѣлѣ опечешсшва; бѣлые или красные цвѣшы на какой нибудь акприсѣ почипались важнымъ собышнемъ и производили жаркіе споры, ибо зрштели не соглашались въ заключеніяхъ, выводимыхъ изъ сихъ цвѣшловъ, къ какой паршїи принадлежшть акприса, къ приверженцамъ ли Бурбоновъ, или бывшаго Имперашора. Словомъ сказашь, ежели бы кого нибудь, незнавшаго предшешшвовав-

нихъ происшествій, привезши въ Парижъ, то онъ сказалъ бы, что конечно прошло очень много времени съ тѣхъ поръ, какъ бѣдствія не касались земли, коей городъ сей есть столица.

Нельзя было сморгнуть безъ презрѣнія на равнодушіе Французовъ къ тому унижательному положенію, въ которомъ они находились. Сколько Живописцевъ принесли къ намъ на продажу каршины, представляющія вспугленіе нашихъ войскъ въ Парижъ и тому подобныя изображенія! Какъ бы поступили у насъ съ Художникомъ, копорой бы вздумалъ нарисовать какую нибудь побѣду враговъ Россіи, и поднесъ бы имъ шакое произведение своей кисти? Даже когда нѣкопорые изъ Союзниковъ брали изъ Парижскаго Музеума обратно каршины и спашуи, имъ прежде принадлежавшія, то Французы не показывали большаго прискорбія, чему я былъ личный свидѣтель, хопя въ послѣдствіи Писатели ихъ и ушверждали прошивное. Не было власпи споль священной, надъ копорой бы они не издѣвались. Въ одномъ Журналѣ я нашель слѣдующее: »Разсмапривая »воинскія склонности народа и ролю по »героическую, то шушовскую, копорую

»Франція играла на театръ Европы въ
 »продолженіе двадцати пяти лѣтъ, я ду-
 »маю, что ей необходимо имѣть такого
 »Короля, которій бы умѣлъ хорошо
 »вздишь верхомъ, — посему я предлагаю
 »избрать Королемъ нашимъ берейшора
 »Франкони!»

Въ сихъ обстоятельствевахъ одни во-
 енные сохранили нѣкоторое достоинство
 характера и чувство собственнаго къ
 себѣ уваженія. Они виновны въ томъ,
 что прислали къ Наполеону при по-
 явленіи его во Франціи съ острова
 Эльбы, хотя и увѣряющъ, что они ру-
 ководствовались въ семъ поступкѣ на-
 деждою возстановить утраченную славу
 ихъ оружія. Не входя въ разсмотрѣніе,
 до какой степени они преступны, нельзя
 однако же не отдать справедливости не-
 пріятелямъ, долгое время прошивъ насъ
 сражавшимся, — что они, видя бѣдствія
 своего опечесшва, являли въ поведеніи
 своемъ совершенную противоположность
 съ прочими своими согражданами. Пріятно
 было встрѣчать военныхъ, ходив-
 шихъ съ мрачнымъ видомъ, и блѣднѣв-
 шихъ при взглядѣ на Русскій мундиръ.
 Впрочемъ въ этомъ году они были не-
 сравненно скромнѣе, нежели въ прежнемъ;

тогда они воображали, что слѣпой случай или измѣна привели насъ въ столицу ихъ; но теперь они убѣдились, что силы Франціи ничтожны передъ силами Союзниковъ. Во всѣхъ случаяхъ они оказывали намъ примѣрную вѣжливость, и не искали, какъ въ прошломъ году, поводовъ къ поединкамъ. Въ Театрахъ они принимали съ воспоргомъ всѣ выраженія, относящіяся къ чести Франціи, и заспавляли актеровъ повпорянь шѣ слова, копорья оную напоминали.

Извѣстіе о взятіи Наполеона Англичанами, произвело на нѣсколько дней уныніе въ Парижанахъ: казалось, что они забыли зло, симъ человекомъ причиненное, а только сохранили въ сердцахъ признательность за славу, копорою онъ ихъ озарялъ. Издатели Журналовъ всѣхъ почти паршій, какъ бы по взаимному условію, прекрапили свои распри; ненависть на минушу почила при возрѣніи на несчастіе, постигшее необыкновеннаго человека, копорого судьба принудила опдашься въ руки люшѣйшимъ врагамъ его. Последняя особа его семейства, остававшаяся въ Парижѣ, извѣстная любезностію и дарованіями своими Принцесса Горшензія, опправилаь тогда изъ сей

столицы въ Швейцарію — съ Русскимъ паспортомъ.

Около этого времени обнародованъ былъ списокъ тѣмъ, копорые принимали наибольшее участіе въ происшествіяхъ 20 Марша; однихъ приговорили къ изгнанію, а другихъ подвергнули суду, начавшемуся съ Лабедоера, копорый съ полкомъ своимъ, споявшимъ въ Гренобль, первый перешель на спорону Наполеона. Судъ производился публично, и въ засѣданія онаго впускали по билетамъ, копорые, какъ примѣрно было, раздавались болышею частію иноспранцамъ и приверженцамъ Бурбоновъ. Нѣскольکو офицеровъ Королевской гвардіи вели себя неблагоприспойно, обнаруживая мнѣнія свои смѣхомъ въ шакомъ дѣлѣ, гдѣ разсуждаемо было о жизни челоувѣка. »Взгляните на послѣдспвія его посшупка, сказалъ обвинитель: всѣ узы гражданспва во Франціи разшоргнушы; она повержена подъ иго чужеземцевъ, междуособная война пылаешъ повсюду, опечеспво спойшъ на краю погибели.«— Предсѣдашель спросилъ Лабедоера, обвиненнаго въ измѣнѣ прошиву государспва, что онъ имѣешъ сказать въ свое оправданіе. Лабедоерь, прекрасный шридцати-лѣпный мужчина, ода-

ренный краснорѣчіемъ, отвѣчалъ: »Не
 »запираюсь въ пресупленіи; но скажу
 »слабымъ голосомъ смерти, что вина
 »моя не можешь опнять у меня чести,
 »копору я долженъ передать неосрам-
 »ленною женѣ моей и сыну моему. Я обя-
 »занъ ее защищать, дабы сынъ мой, до-
 »спигнувъ до возраста, когда онъ посвя-
 »шилъ себя на службу опечества, не
 »былъ при самомъ вспупленіи въ оную
 »покрытъ стыдомъ.« Онъ спарался до-
 казать, что пресупленіе можеть суще-
 ствовашь, а человекъ, оное совершившій,
 бытъ невиненъ; въ примѣръ пославлялъ
 онъ себя. Для сего онъ предпринялъ изло-
 жишь положеніе, въ кошоромъ находи-
 лось тогда опечество его; но едва успѣлъ
 онъ сказать, »что послѣ желаннаго всѣ-
 »ми возвращенія Бурбоновъ общее мнѣніе
 »начало прошивъ ихъ обнаруживашься,
 »оказались повсюду неудовольствія, осо-
 »бенно въ войскахъ,« какъ слушатели изъ-
 явили свое неудовольствіе, и Предсѣда-
 тель, прервавъ его рѣчь, совѣщавалъ ему
 не опспупашь опъ предмета своего и
 довольствовашься личнымъ защищеніемъ
 своимъ. Лабедоеръ замолчалъ, спряшалъ
 бумагу, на кошорой рѣчь его была напи-
 сана, и сказалъ: »Топъ, кшо многократно

»предводишь спивоваль храбрыми людь-
 »ми къ смерти, будешь умѣшь и самъ
 »оную вспрѣшьшь. Я не говорю, чшобы
 »я не сдѣлалъ пресшупленія, въ кошоромъ
 »меня обвиняють; но утверждаю, чшо
 »я не виноватъ и не потерялъ чести.
 »Мнѣ поручили, присовокупилъ онъ, усми-
 »рилъ духъ седьмага линѣйнаго полка,
 »когого я былъ начальникъ, но могъ ли я
 »засшавишь солдашь забышь имя полко-
 »водца, водившаго ихъ въ побѣдѣ въ пече-
 »ніе пшадцати лѣшь?»

Въ одномъ Журналѣ, кошорый въ про-
 долженіе сего суда принималъ спорону
 обвиненнаго, была помѣщена между про-
 чимъ слѣдующая сшашья, обнаруживаю-
 щая духъ, господсшвовавшій во Франціи:
 »Лабедоерь служилъ въ молодыхъ лѣшпахъ
 »подъ знаменами Наполеона. Лудовикъ XVIII
 »извѣсшень ему сшалъ шолько за десятишь
 »мѣсяцевъ. Прешній Монархъ его, кошо-
 »раго опреченіе опъ прешпола казалосъ
 »ему вынужденнымъ, являешся предъ нимъ.
 »Онъ привыкъ долгое время почишашъ
 »законнымъ Государемъ шого, кошораго
 »всѣ Державы шакowymъ признали, и мы-
 »сли сш пробуждають въ немъ еще не-
 »угасшую къ нему привязанность. Блескъ
 »воинской славы прешняго его Монарха

«опшъ започенія и несчастія возвеличи-
 «вается въ глазахъ его приверженныхъ, и
 «дѣйствуешь на пламенное воображеніе,
 «которое увѣряешь ихъ, будшо онъ
 «повинуешья гласу долга, въ то самое
 «время, когда они попирающъ ногами свя-
 «щеннѣйшія обязанности. Нельзя въ одинъ
 «день испребишь предразсудковъ своихъ,
 «перемѣнишь мнѣнія, наклонности и образъ
 «мыслей, справедливо или ложно основан-
 «ныхъ, но укрѣпленныхъ временемъ. Въ
 «семь сосшоишь его истинное преспу-
 «вленіе, но всѣ Французы оное раздѣляли.»

Таковыя выраженія и подобныя имъ,
 помѣщаемыя въ другихъ ежедневныхъ Вѣ-
 домостяхъ, имѣли цѣлю не сполько
 оправдывать обвиненныхъ, сколько разду-
 вать пламень раздоровъ, усиливавшійся
 еще по той причинѣ, что вслѣдъ за каз-
 нію Лабедоера начали судишь сообщни-
 ковъ его, въ числѣ коихъ находился и
 Маршалъ Ней, чпимый во Французской
 арміи однимъ изъ храбрѣйшихъ Генера-
 ловъ. Хотя доказательсва въпреноси
 высшаго и средняго сословій Парижанъ,
 были очевидны, однако же не надобно
 было перяшь изъ вида, что въ Парижѣ
 находилося двѣспи тысячъ человекъ, не-
 имѣвшихъ ни Вѣры, ни чести, ни на-

дежнаго проишанія, и возросшихъ посреди кровопролитій революціи, копорыхъ легко можно было взволновать: развращенная чернь сія, способная на всякія преступленія, имѣла по ночамъ сходбища въ предмѣстіяхъ города, издѣвалася на улицахъ надъ солдатами Королевской гвардіи, съ жадностію внимала чтенію Журналовъ, издаваемыхъ демагогами, и при всякомъ случаѣ оказывала неуваженіе къ законному своему Правительству. Положеніе многочисленной необузданной толпы сей, содержимой въ уздѣ присущіемъ Союзныхъ армій, можно было уподобить хищному звѣрю, гложащему цѣпь, къ копорой онъ прикованъ, но гошовому при первой возможности предашья врожденной ярости своей. Въ сихъ смущенныхъ обстоятельствахъ, Государь, получавшій нерѣдко разнаго рода предостерегательныя извѣстія, не подавалъ вида, чшобы Онъ чего либо опасался: ходилъ по Парижу пѣшкомъ, прогуливался ежедневно по Елисейскимъ полямъ верхомъ, въ сопровожденіи одного шолько конюшаго, и ѣздилъ по городу въ каретѣ, запряженной двумя лошадьми, съ двумя лакеями Французами, и съ кучеромъ Французомъ же, безъ всякаго прикрытія. Караулъ въ

Элизе - Бурбонъ содержали попеременно Прусаки и Англичане, и только на ночь присоединяли къ нимъ со стороны сада нѣсколько лейбъ-казаковъ.

Бурбоны жили уединенно, какъ и въ первый годъ своего возвращенія въ Парижъ: окруженные своими приближенными, неоставлявшими ихъ въ изгнаніи, они казались спранниками посреди народа, надъ коими предки ихъ владычествовали многія столѣтія. Лудовикъ XVIII былъ вообще уважаемъ, но члены его семейства не пользовались приверженностію народа; я видѣлъ Французовъ, бывшихъ объ закладъ, что по выступленіи Союзныхъ войскъ изъ Франціи, они не удержатся на престолахъ своемъ. Мнѣ случилось въ это время имѣть порученіе къ вдовствующей Герцогинѣ Орлеанской, супругѣ извѣснаго въ революціи Эгалише, почиравшейся одною изъ умнѣйшихъ особъ Королевской фамиліи. Она была за споломъ, когда я пріѣхалъ, но велѣла меня поспѣшь къ себѣ пригласить, и посадила меня подлѣ себя: между тѣмъ, какъ она читала письмо, которое я ей вручилъ, я могъ взглянуть на особъ, составлявшихъ ея обществъ. Тутъ находились единственно спарики, которыхъ, по пла-

пью и по приёмамъ, легко было признашь за придворныхъ, образовавшихся въ Версальскихъ переднихъ. При семь родилась естественна мысль, что ежели общество опличнѣйшей особы дома, споль близкаго по родству съ Бурбонами, заключалося въ людяхъ, чуждыхъ своему вѣку и понятіямъ своихъ современниковъ, то каково же оно должно бышь у прочихъ лицъ сего семейства?

Любопытство завело меня однажды въ Тюльерійскій дворець. Я видѣлъ оный въ царствованіе Наполеона, окруженный пѣшими и конными часовыми его гвардіи, опличавшейся воинскою осанкою. Теперь около него не было никого, кромѣ толпы праздныхъ людей, прогуливавшихся по саду и по Карусельской площади. Въ передней залѣ споялъ караулъ, и шрое гвардейцевъ, опроческихъ лѣпъ, вызвались бышь моими жожапыми; но они не знали дороги въ семь огромномъ замкѣ, и едва мы вснули во вшорую комнашу, какъ преспарѣмый кавалеръ ордена Свяшаго Лудовика закричалъ: «сюда не ходяшь!» и даже не приподнялся со спула, хотя я ему показаль свой билетъ, на кошоромъ написано было, что я Капишанъ гвардіи Россійскаго Им-

перашпора, по еспь Монарха, по милоспи копорого дворець сей возвращенъ былъ законнымъ своимъ владѣтелямъ. На карнизахъ, на дверяхъ и на люспрахъ сіяли вензеля Наполеоновы, а на спѣнахъ висѣли карпины, изображающія его походы, о копорыхъ проводники мои не имѣли ни какого понятія. Такимъ образомъ, когда мы оспановились подлѣ карпины сраженія Прейсигъ-Эйлаускаго, они говорили мнѣ съ увѣренностію, свойственною Французамъ, что это одна изъ бигивъ Египетской войны. По дворцу ходило нѣсколько военныхъ, неопрятно одѣшыхъ; между ними я не встрѣшилъ ни одного спепеннаго человѣка. Комнашы были не чисты, мебель спояла не на своихъ мѣспахъ, и все являло видъ какого-шо неустройства и разрушенія.

ГЛАВА VII.

СМОТРЪ ПРИ ВЕРТЮ 26 АВГУСТА. — ВТОРОЙ
СМОТРЪ 29 АВГУСТА. — ОБЪДНЯ ВЪ ЛАГЕРЬ. —
ИНОСТРАНЦЫ, НАХОДИВШИЕСЯ ВЪ ВЕРТЮ. —
ОБЪДЕННЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ РУССКИХЪ,

Прежде возвращенія арміи нашей изъ Франціи, Государю угодно было сдѣлать ей общій смотръ, при копоромъ не могъ шокмо бытъ корпусъ Графа Ланжерона, расположенный около Французскихъ крѣпостей. Первоначально положено было произвести оный въ началѣ Августа подъ Феръ-Шампенуазомъ, гдѣ въ прошломъ году одержана побѣда надъ Французами; но потомъ опшмѣнили сіе на нѣсколько недѣль для того, чшобъ дать время креспьянамъ убраться съ полей хлѣбъ, и вмѣсто Феръ-Шампенуаза, избрали въ Шампани, близъ города Вершю, лежащаго между Эпернеемъ, Бриеномъ и Шалономъ, необозримую равнину, посреди копорой находишся гора, называемая Мон-

шеме. Между пѣмъ, какъ армія шуда собиралась, въ Главной кварширѣ дѣлали чершежи, какъ распавить войска и какія имъ производишь движенія, и соспавляли командныя слова для каждаго корпуса порознь. Государь лично входилъ во всѣ подробности, до сего смопра касающіяся, ибо Онъ хошѣлъ предспавить армію Свою передъ глаза и, шакъ сказать, на судъ всей Европы.

25 Августа Его Величество отправился изъ Парижа въ Вершю. На другой день, шо ешь Августа 26 былъ примѣрной смопрѣ, на кошоромъ никого, кромѣ Русскихъ, не находилось; а 29го былъ другой, въ присушествіи Союзныхъ Государей и множества иносшранцевъ, кошорыхъ для сего пригласили; 30го же церковный парадъ. Въ шпроу было семь конныхъ и одиннадцать пѣхопныхъ дивизій, шри полка казаковъ, двѣ рошы піонеръ, одна роша саперовъ и пяшь-сошь сорокъ орудій, всего 150.554 человекъ, въ числѣ кошыхъ восемьдесятъ семь Генераловъ, 433 Шпабъ-офицеровъ и 3980 Оберъ-офицеровъ.

26го. Въ шесшь часовъ ушра мы поѣхали на гору Моншеме, передъ кошорою вышпроена была армія слѣдующимъ обра-

зомъ: кор-де-башаль соспоялъ изъ шрехъ пѣхошныхъ корпусовъ, расположенныхъ въ при линіи. Правымъ крыломъ началь-спвовалъ Дохшуровъ, лѣвымъ Раевскій, а центромъ Сакенъ. За ними находились вшорая драгунская дивизія подъ началь-спвомъ Корфа, за копорою спояли въ резервѣ гренадерскій корпусъ Ермолова и пѣхошный Сабанѣва, и два кавалерій-скіе корпуса подъ командою Винцентгероде и Графа Палена. Въ семь порядкъ мы увидѣли армію, занимавшую проспран-спво на нѣсколько верспъ, и ожидавшую съ благоговѣніемъ пріѣзда Государева. Ясное небо и лучи солнца, отражаемые ору-жіемъ, придавали зрѣлищу сему необы-кновенный блескъ, и всѣ были поражены сполько симъ величеспвеннымъ зрѣли-щемъ, что когда въѣхавши на Моншеме, взглянули на армію, то произошло не-вольное молчаніе, а послѣ показалаь на усахъ каждаго улыбка, означавшая, что всякой гордился бышь Русскимъ. Сигналы для команды дѣлаемы были пушечными выпспрѣлами изъ орудія, споявшаго на Моншеме. Первый выпспрѣлъ возвѣспилъ прибыніе Государя; войска взяли ружье на плечо; по вшорому сдѣлали на ка-трауль; громкое ура раздалось по рядамъ,

зайграла музыка и загремѣли барабаны и шрубы. По прешьему выспрѣлу взяли на плечо, и поспроились въ башаліонныя колонны, а по чешверному вся армія начала спроить каре, коего при спороны соспояли изъ пѣхопы, а чешвершая изъ конницы; передъ одною изъ пѣхопныхъ линій спояло десяшь рошь конной аршиллеріи. Государь въ сіе время спуспился съ горы, и объѣхавъ, при радоспныхъ кликахъ, весь каре, оспановился въ срединѣ онаго; армія прошла церемоніальнымъ маршемъ мимо Его Величеспва, сперва гренадеры, попомъ линійная пѣхопа, за оною конница, а въ слѣдъ конная резервная аршиллерія. Послѣ сего Государь изволилъ возвращишься на Моншеме, а войска спали въ шощъ же боевой порядокъ, въ коемъ были съ самага начала, по пушечному выспрѣлу сдѣлали на карауль, и снова загремѣла музыка и барабаны, и снова ура наполнило воздухъ.

Нѣшь примѣра, чшобы споль великое число войскъ было собрано для смопра, и никогда смопръ не происходилъ за нѣсколькы тысячъ верспъ ошъ опечеспва, въ земль, не задолго еще почитавшейся непобѣдимую! Чшо передъ онымъ лагерь Булонскій? Невозможно видѣшь лучшей

опрятности людей, соспоянія оружія, общаго устройсва и наружной красомы. Полки доведены до такого совершенсва, что они всѣ равны; нельзя сказаць, что бы одинъ былъ лучше другаго. Русскіе офицеры почти избалованы почностію, съ какою производится у насъ движеніе войскъ; но построенія, которыя произведены въ этотъ день, превзошли наши чаянія. Нѣкоторымъ пѣхопнымъ полкамъ надлежало при образованіи карея проходить при съ половиною вершы; конная артиллерія неслась по сему проспекту во весь опоръ; но порядокъ и быспроша, съ которыми войска слѣдовали къ назначеннымъ имъ мѣстамъ, доказали, что всѣ и каждый знаешь свое дѣло. Удивительнѣе всего было, что углы карея соспавлялись въ одно время какъ будто при баталіонномъ ученіи, и что въ продолженіе церемоніальнаго марша, копорымъ проходило болѣе сша семи тысячъ пѣхопы, ни кто не сбился съ ноги. Увѣренность въ себѣ была написана на лицахъ воиновъ: изъ устъ ихъ, кажешся, вырывались слова: «кто прошивъ насъ?» Нѣтъ сверхъ того въ Европѣ и не было арміи, въ копорой бы находилось сполько отличныхъ офицеровъ и искусныхъ

Полководцевъ, коихъ я не называю, ибо имена многихъ принадлежатъ Исторіи. Государь былъ споль доволенъ смолромъ, что сказалъ: »Я вижу, что Моя армія »первая въ Свѣшѣ; для нея нѣтъ ничего »невозможнаго, и по самому наружному »ея виду ни какія войска не могутъ съ »нею сравниться.«

Вдали видно было поле сраженія Феръ-Шампенуазскаго, которое напоминало одинъ изъ блистательныхъ подвиговъ нашего оружія, особенно для личной славы Александра. Но, при всемъ шорже-спвѣ, можно ли было забыть о Бородинскомъ сраженіи, которому тогда минуло ровно три года? Въ то время села и города пылали ошъ Нѣмана до береговъ Москвы рѣки, и на проспранспвѣ семь шекла кровь Россіянь. Прошиву неслышаннаго ополченія враговъ, предводителей спвуемыхъ вождями, образованными въ побѣдоносныхъ спанахъ, заслоняли спопяшнадцать тысячъ нашихъ воиновъ дома согражданъ, честь имени своего, гробы родителей, законы, славу и независимость, пріятныя ошъ предковъ. Что прочія сраженія прошивъ Бородинскаго? Что самый день Лейпцигскій, въ кошорый непріатель искалъ не лавровъ, но

спасенія, гдѣ онъ шокмо мыслилъ, какъ бы съ честію перейши въ Рейнъ, гдѣ слабѣе въ силахъ, нежели прошивники его, онъ былъ оспавленъ Союзниками своими, и не имѣлъ въ дѣлѣ шѣхъ полчищъ, копорья прежде славились непобѣдимыми, и пошомъ испреблены въ Смоленскѣ, въ Тарушинѣ, въ Маломъ Ярославцѣ и въ Красномъ, копорыхъ коспи сожигаемы были въ коспрахъ, а пепель разнесенъ вѣшрами далеко ошъ земли Русской? При Бородинѣ была бишва народовъ, Россіи съ Европою. Если бы грудь Россіянъ была менѣе пверда, и мудроспъ Смоленскаго менѣе испышана, шо дерзкій иноспранецъ, взирая съ Кремлевскихъ спѣнъ на плѣненную споллицу, сказалъ бы: »Держава Петра, Екатерины и Александра была славна, но она сокрушилась подъ ударами соединенной Европы.«

Сколькохъ героевъ уже нѣшъ среди арміи сей, копорые въ шомъ незабвенный день были опшомъ опечесшва! думаль я, пробѣгая взорами рады войскъ. Нѣшъ Баграціона, любимца побѣды; нѣшъ Тучкова, Кушайсова, нѣшъ многихъ штысячъ ихъ сподвижниковъ. Моженъ бышъ, пошомспшо не воздвигнешъ вамъ памяшника на шомъ мѣспѣ, гдѣ вы пали, но

по крайней мѣрѣ черезъ нѣсколько вѣковъ на холмахъ, орошаемыхъ Колочею, соорудится скромная часовня, имена ваши вѣржущся на мѣдной доскѣ; спранникъ позднихъ лѣтъ будешь чипать ихъ при шускломъ свѣшѣ лампы и унесешь съ собою въ дальнія спраны горсть земли, съ кошорою смѣшался священный прахъ вашъ. Машери, сестры, невѣсны падшихъ въ бившѣ Бородинской, вы, кошоры надъ могилою храбрыхъ проливаеше въ сей день слезы и возсылаеше моленія къ Нему о успокоеніи душъ ихъ, къ вамъ взываю я! Да слава опечесшва вашего, симъ войскомъ до вышней степени вознесенная, исполнишь сердца ваши увѣреніемъ, что месшь постигла враговъ, опъльвшихъ въ гореспное для Россіи время жизнь родныхъ вашихъ и любезныхъ. Въ возмездіе врагамъ, на собспвенныхъ поляхъ ихъ, празднуемъ мы славу Россіи; воины наши попирающъ ихъ нивы, знамена наши развѣвающя на равнинахъ Шампани, и эхо горъ непріашельскихъ принуждено повпоряшь радеспное ура, безпреспанно войскомъ произносимое.

На другой и на шрешій день городокъ Вершю наполнился любопышными изъ всѣхъ соспояній и военными въ мунди-

рахъ всѣхъ Европейскихъ Державъ; изъ Парижа пріѣхало много купцевъ съ поварами разнаго рода, и наши маркишаншны открыли свои подвижныя лавки посреди лагерь, гдѣ день и ночь все было въ величайшей дѣяшельности; всякой начальникъ отдѣльной части войскъ соревновалъ превзойти своихъ товарищей. Въ числѣ почешныхъ иноспранцевъ, пріѣхавшихъ въ Версю, находилоя много спрогихъ наблюдашелей, желавшихъ лично удостоверитья въ сосшояніи нашей арміи, пошому чшо съ давняго времени иноспранцы, по какому-шо предубѣжденію, привыкли почишашъ силы Россіи преувеличенными.

29 *Августа*. Смошрѣ происходилъ въ шомѣ же порядкѣ, какъ и 26го, съ шюю разницею, чшо въ присущешвіи множешва иноспранцевъ, прибывшихъ изъ Парижа, изъ Голландіи, изъ Лондона и изъ другихъ мѣшпѣ. Съ самаго ушра Государь находилса на Моншеме, передѣ кошорымъ выспраивалася армія, и лишь шолько завидѣль Короля Пруссаго, обнажилъ шпагу, поѣхаль къ нему на встрѣчу, вручилъ ему спроевой порядокъ, а пошомѣ опдалъ сію же самую почешпъ Имперашору Францу. Начальникъ Шшаба Егѣ Величешва предешавилъ спроевые рапоршны

Фельдмаршаламъ Веллингшону, Шварценбергу и Вреде. Во время церемоніальнаго марша Государь лично предводительствовалъ арміею, и салюповалъ Союзныхъ Монарховъ; Великіе Князья Николай Павловичъ велъ бригаду гренадеръ, а Михаилъ Павловичъ командовалъ пѣшею ротами конной артиллеріи. Когда Монархи и особы, сопровождавшія ихъ, возвратились послѣ церемоніальнаго марша на Моншеме, и войска выстроились въ прежній боевой порядокъ, открылся пушечный и ружейный огонь, продолжавшійся двѣнадцать минутъ; воздухъ покрылся дымомъ, за копорымъ армія мало по-малу исчезала и наконецъ совсѣмъ закрылась.

Иностранцы были въ удивленіи: съ изумленіемъ смотрѣли они на густыя ряды войскъ, проходившихъ мимо ихъ въ неимовѣрномъ успройствѣ. Я неоднократно подѣзжалъ къ нимъ и вслушивался въ разговоры ихъ, не бывъ ими примѣчаемъ, и всякой разъ слышалъ слова ихъ, что они съ прудомъ вѣрили глазамъ своимъ. Веллингшонъ сказалъ, «что онъ никогда не воображалъ, чтобы армію можно было довести до поля великаго совершенства.» Онъ съ такимъ внима-

ніемъ считалъ число войскъ, что послѣ
 смотра замѣнилъ, что въ одномъ кон-
 номъ полку не доставало эскадрона, и
 признался, что онъ полагалъ, видя въ Па-
 рижѣ нашу прешью гренадерскую диви-
 зію, будто люди для нея были выбраны
 изъ всей арміи, и что прочія войска не
 могли съ нею равняться. Каково должен-
 ствовало бытъ его удивленіе, когда онъ
 увидѣлъ, что ни одна дивизія не успунала
 гренадерамъ! Сиръ Сидней Смитъ, съ обы-
 кновеннымъ ему чистосердечіемъ объ-
 явилъ, что смотръ сей естъ урокъ, да-
 ваемый Императоромъ Россійскимъ про-
 чимъ народамъ.

30 *Августа*. Въ день Александра Нев-
 скаго, солнце при самомъ восхожденіи объ-
 щало благопріятнѣйшую погоду. Посреди
 прелесной долины, окруженной цѣпью
 невысокихъ горъ, приготовлено было, по
 числу корпусовъ, семь палатокъ для Бо-
 гослуженія; передъ каждою былъ вы-
 спроенъ корпусъ, конница безъ лошадей,
 пѣхопа безъ ружей. Государь прибылъ
 къ гренадерамъ въ восьмомъ часу утра,
 когда шуманъ покрывалъ горизонтъ; но
 онъ мгновенно разсѣлся, и представил-
 ось зрѣлище, небывалое въ свѣтъ. Спо-
 пятьдесятъ тысячъ побѣдоносныхъ вои-

новъ, говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдующихъ одну Вѣру, пришедъ изъ опдаленнѣйшихъ предѣловъ Европы въ нѣдра Франціи, ожидающъ въ безмолвіи не звуковъ веселія, не зову къ кровопролитному бою, но гласа молящихся паспырей, дабы излишь сердце свое предъ Всевышнимъ. Началась служба; благоговѣйные звуки священныхъ пѣсней повтораились отголосками; воинство преклонило колѣна, и смиреніемъ своимъ доказало, что оно споль же благочестиво предъ Создателемъ, сколь ужасно въ бипвахъ.

Во все время пребыванія нашего въ Вершю были у Его Величества обѣденные сполы въ саду, въ кошоромъ палашки, украшенныя гирляндами и разноцвѣтными огнями, успроены были нарочно славнымъ Архисекшоромъ Фоншеномъ. Спранная игра судьбы! Архисекшоръ сей былъ любимецъ Наполеона, кошорый съ нимъ не рѣдко совѣшовался о сооруженіи памяшниковъ, долженствовавшихъ увѣковѣчить царствованіе его. Въ первый день угощали иностранцевъ, въ числѣ кошорыхъ именинѣйшіе были слѣдующіе: *Австрійцы*: Императоръ Франць, Наслѣдній Принць, Эрцгерцоги: Лудовикъ, Максимилианъ и Фердинандъ, Фельдмаршалъ Князь

Шварценбергъ, Генералы Дука, Радецкій и Лангенау, Князь Лихтенштейнъ и Графы: Вальмоденъ, Гардекъ и Сень-Жюлиенъ, Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Врбна и Оберъ-Шпалмейсперъ Графъ Траушмансдорфъ. *Прусски*: Король, Наслѣдный Принцъ, Принцъ Вильгельмъ, Принцъ Мекленбургъ-Спрелицкій, Генералы: Графъ Тауэнцинъ, Гнейзенау, Кнезебекъ, Цишенъ, Лопумъ, Шеллеръ, Пирхъ, Вольцогенъ и Военный Миниспръ Бойенъ. *Англичане*: Герцогъ Веллингтонъ, Послы: Лордъ Капкарпъ и Лордъ Спуарпъ, Генералы: Гиль, Коле, Колоиль, Мурай, Кемпшъ, Майшландъ, Олашанъ, Пакшъ и Адмиралъ Сиръ Сидней Смишъ. *Баварцы*: Принцъ Карлъ, Фельдмаршалъ Князь Вреде, Генералы Бекерсъ, Сейдвицъ, Майлопъ и Папенгеймъ. *Виртембергскій* Наслѣдный Принцъ; Принцъ *Оранскій* и при немъ Генералъ Фогель. *Баденскій* Генералъ Спокгорнъ; *Шведскій* Посланникъ Графъ Левенгельмъ; *Французы*: Дюкъ де Ришелье и Баронъ Дамасъ; сверхъ того Герцогъ *Кобургскій* и брашъ его Принцъ Леопольдъ, Принцъ *Гессенъ-Голбургскій* и многіе другіе.

На слѣдующій день приглашены были къ обѣду Русскіе Генералы, а въ послѣдній, когда иностранцы отправились обраш-

но въ Парижѣ, были кромѣ нашихъ Генераловъ, Командиры полковъ и аршилерійскихъ ротъ и Корпусные Оберъ-Кварширмейстеры; за столомъ находилось болѣе прехъ сошъ особъ. Трудно было видѣшь почпеннѣ собранія; въ немъ заключалось могущество и слава Россіи, коей сіи офицеры были доспойные предспавишели. Бурные послѣдніе годы соединяли ихъ вмѣспѣ: они дѣлили пруды и побѣды, они презирали голодъ и непогоды, проходили горы, рѣки и царспва, гдѣ предки ихъ никогда не бывали; шеперь, благодаря подвигамъ своимъ, они разспавалися на долгое время; на лицахъ сихъ опшличныхъ мужей начерпана была радость, чшо каждый изъ нихъ исполнилъ обѣщъ свой. Государь передъ споломъ и послѣ онаго подходилъ почти къ каждому изъ сподвижниковъ своихъ, благодарилъ ихъ опъ искренняго сердца и въ шакихъ выраженіяхъ, копорыя каждому останушся незабвенны. Многіе были глубоко пронушы, и я видѣлъ слезы на глазахъ нѣкопорыхъ: воинъ, сохранившій посреди разсѣянности спановъ и между громовъ сраженій чувспвительность, будешъ въ дни мира примѣрнымъ гражданиномъ. Покойшесь на лаврахъ вашихъ,

Русскіе офицеры! Вы одни могли совершить то, чему вселенная изумляется; гордишесь содѣянными вами; поздніе потомки будутъ повѣспивовашь о васъ; да будешь на всю жизнь воспоминаніе минувшихъ дней залогомъ вашего счастья!

ГЛАВА VIII.

Виды смотровъ Вертю. — Анекдотъ о Наполеонѣ. — Возвращеніе въ Парижъ. — Окончаніе похода 1815 года. — Параллель между Александромъ и Наполеономъ.

Когда иностранцы, бывшіе въ Вершю, разѣхались, Государь занимался лично выборомъ людей въ гвардію и въ гренадеры; провелъ весь день въ полѣ, былъ опшѣнно весель, подѣзжалъ къ каждому полку, привѣщивалъ ихъ и награждалъ многихъ Генераловъ. Чшобы сохранишь память происходившаго въ Вершю, былъ приглашенъ шуда изъ Парижа Живописецъ Пажешши, извѣсшнй двумя картинами, изъ коихъ одна изображаетъ переходъ непріятельскихъ войскъ черезъ Нѣманъ, а другая молебшвіе, бывшее въ Парижѣ въ 1814 году на площади Лудовика XV. Онъ нарисовалъ шесшъ различныхъ видовъ смолровъ, обѣдовъ и лишургій въ Вершю: шакимъ образомъ Худож-

нику сему предоспавлено было начерпашъ начало великой войны, и окончаніе оной, совершившееся на поляхъ Шампаніи. Счастливъ Писашель, копорому удался передашь попомству происшесвія сихъ прехъ лѣшъ съ безприсраспіемъ и краснорѣчіемъ Испорика!

Архисекпоръ Фоншенъ, о копоромъ упомянуто было, что онъ успроивалъ садъ и палашки для угощенія, сказывалъ мнѣ, что Наполеонъ прельспился видомъ Москвы, и часпо ему про оную говаривалъ. »Сколько колоколень въ Парижъ,« спросилъ онъ у него однажды? — Немного болѣе десяти, опвѣчалъ Фоншенъ. — »Что эпо прошивъ Москвы, — возразилъ »Наполеонъ, — гдѣ ихъ сошни; велише вызолощить куполь инвалидной церкви.« Приказаніе его было исполнено; но гордый завоевашель, опдавая оное, не воображалъ, что позолоша сія, доколь она не исчезнешъ, будетъ каждому Русскому, заведенному любопытшесвомъ или другимъ случаемъ въ Парижъ, напоминашь Москву и 1812 годъ, копорому нѣшъ равнаго въ лѣшописяхъ міра.

31 Августа вечеромъ мы выѣхали изъ Вершю; скоро взошелъ мѣсяць и осребрилъ берега Марны; ночь была прекрас-

ная, и въ моихъ глазахъ довершало прелесть ея множество Русскихъ колясокъ, обгонявшихъ одна другую и ѣхавшихъ по Франціи съ Русскихъ маневровъ. На другое утро мы возвратились въ Парижъ. Такъ кончился походъ сего года, не спойвшій арміи нашей почти ни одного выспрѣла, но копорый пребудешъ важенъ для опечеснва нашего, попому, что всѣ Державы полагали, что безъ участія Россіи онѣ не могли пропивиться предпріятіямъ того человѣка, копорый въ печеніе двадцати лѣтъ, наполнивъ ужасомъ имени своего сосѣднія Франціи земли, поработилъ одну за другою. Когда вновь общая безопаснсть была угрожаема по опплыніи его съ оспрова Эльбы, армія наша выспунила первая изъ мѣспъ своего расположенія, быспро прошла Германію, и находилася уже на Рейнѣ въ минушу начатія военныхъ дѣйсвій, и наконецъ подъ Версню предспала на судъ Европы, копорую она шѣмъ болѣе изумила усспройствомъ и многочисленнстію своею, что являлась въ семъ блестящемъ видѣ послѣ прехъ самыхъ многотрудныхъ и изнуришельныхъ походовъ.

Здѣсь прилично помѣспить параллель

между двумя величайшими мужами нашего времени, Александромъ и Наполеономъ. Появленіе обоихъ въ политическомъ мірѣ было ознаменовано рѣдкими умспвенными ихъ способностями. Съ перваго шага ихъ на поприщѣ дѣятельности, они обратили на себя всеобщее вниманіе и заняли первыя мѣста въ современной Исторіи. Въ продолженіе жизни ихъ, на мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ ихъ была основана участь вселенной. Наполеонъ явилъ себя въ Испалійскихъ походахъ великимъ Полководцемъ, а Александръ, будучи тогда еще Наслѣдникомъ Престола, подавалъ надежду сдѣлаться образцемъ крошкихъ добродѣтелей, каковымъ Онъ при вступленіи своемъ на царство дѣйствительно и оказался. Поступки перваго ознаменованы были нѣсколько льшъ необыкновенными воинскими доблестями; онъ угрожалъ своею предприимчивостію и желѣзною волею въ исполненіи своихъ предначертаній, сдѣлаться бичемъ Европы и испровергнушь существовавшій порядокъ. Вникая со вниманіемъ въ узаконенія, изданныя Александромъ въ первые годы Его царствованія, вы найдете черты, копорыя могли бы послужить украшеніемъ вѣка Траянова и Антонинова.

Одинъ производилъ удивленіе, другой испоргалъ слезы радости у друзей человѣчества. Необыкновенныя событія, коимъ мы были свидѣтели, не умедлили пропихиваши сихъ мужей одного другому; борьба продолжалася ровно десять лѣтъ, по естъ съ Аусперлицкаго сраженія до вшоричнаго вшесвія Россіянъ въ Парижъ: эшо была брань зла съ добромъ, генія войны съ геніемъ мира, и сей послѣдній одержалъ совершеннѣйшую побѣду. Испощивъ всѣ способы снисхожденія, онъ облекся въ силу нравственную; непоколебимосць его и поспоянство, внушенныя убѣжденіемъ въ правотѣ дѣла его, сокрушили его прошивника. Наполеонъ въ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ являлъ малодушіе, а Александръ въ роковой 1812 годъ сохранилъ швердосць духа, кошорой Россія обязана своимъ торжествомъ, и слова: »не положу оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не оспанешся въ землѣ моей,« — послужили основаніемъ новой эпохи для Россіи и для Европы. Во время сей десятилѣтней, почти баснословной войны, слѣды Наполеона были ознаменованы, такъ сказашь, огненною чершою; Александръ посреди враговъ своихъ

являлся благодѣтелемъ ихъ края. Въ завоеванныхъ споллицахъ Наполеонъ грабилъ дворцы Монарховъ, предавался мщенію и не зналъ мѣры своей надменности. За опустошеніе многихъ обласпей Россіи, за пожаръ Москвы и за взорванный Кремль Александръ заплашилъ спасеніемъ споллицы Франціи, и изумленные Его великодушіемъ непріятели провозгласили Его Царемъ Царей. Ежели бѣдспвія, угрожавшія Россіи, не поколебали Его въ 1812 году, по онъ въ Парижѣ показалъ небывалый примѣръ въ льпописяхъ міра, чшо неслыханныя до шого побѣды не вселили въ него другаго чувспва, кромѣ кропости къ врагамъ и смиренія предъ Богомъ. Сокрушивъ своего прошивника, долгое время непобѣдимаго, Онъ не мспилъ падшему съ неизмѣрной висошы, и сей, на ужасной скалѣ, о крушые берега коей разбивающся съ шумомъ волны разъяреннаго Океана, покрышый прокляшїями полсвѣша, слышалъ слова ушѣшенія опъ одного только Александра, копорой поручилъ посланному своему на оспровѣ Св. Елены по возможности облегчашь учаспъ плѣнника. »Вы единспвенное провидѣніе, оспавшееся на землѣ для семейспва нашего,«— писалъ въ 1814 году брать

Наполеона, Лудовикъ, къ Государю. Когда Александръ принялъ бразды правленія Европы, Онъ учредилъ Христіанскій Союзъ, и основалъ всеобщій миръ, поддерживаемый имъ всѣми силами, копорья представляла ему обширнѣйшая въ свѣпѣ Имперія. Во время могущества Наполеона, безчисленныя арміи его блуждали по Европѣ, подобно сынамъ Израиля, покоряя одно государство за другимъ, но милліонъ войскъ, содержимыхъ Александромъ, за что столь несправедливо современники дѣлали Ему упреки, употреблены были исключительно на утверженіе мира. Да и можно ли было послѣ двадцаши - пѣши - лѣтнихъ волненій не имѣть Ему обнаженнаго оружія, шѣмъ болѣе, что въ разныхъ мѣстахъ показывались мяежи, какъ по: въ Неаполѣ, въ Піемонтѣ и въ Испаніи; но они по мановенію Александра исчезали, и Европа, коей дѣла Онъ принялъ въ свою опеку, наслаждалася двѣнадцати - лѣтнимъ миромъ. »Александръ еспѣ мой наспоющій преемникъ,« сказалъ Наполеонъ на оспровѣ свяшой Елены. Онъ правъ; но Александръ, принявъ Дикшапюрскую власшъ въ Европѣ, уподоблялся ясному небу, копорое, послѣ свирѣпыхъ бурь, колебав-

шихъ море и угрожавшихъ мореходцу по-
гибелью, даруешь ему счастливое плава-
ніе, и несомнѣнную надежду вскорѣ уви-
дѣшь берегъ своего опечесшва. Оба угас-
ли въ цвѣшѣ лѣшѣ, далеко опъ сполицѣ,
ими украшенныхъ, ими преобразованныхъ,
одинъ подъ знойнымъ Африканскимъ не-
бомъ, а другой на берегахъ Азовскаго мо-
ря, почши на предѣлахъ Азіи; одинъ
умеръ въ цѣпяхъ, а другой почилъ сномъ
праведныхъ.

ГЛАВА IX.

Приготовленія къ отъѣзду. — Выѣздъ изъ Парижа. — Пероннь. — Камбре и Валансиень. — Генераль Фуль. — Брюссельскій Дворъ. — Поле Ватерловскаго сраженія. — Дорога изъ Брюсселя въ Дижонъ.

Въ первыхъ числахъ Октябрю мѣсяца мы начали дѣлать приговоренія къ отъѣзду изъ Парижа, ибо наша армія, послѣ смотра при Вершю, немедленно прорвалась въ обратный походъ, и только одинъ корпусъ оставался въ сѣверной части Франціи, для того, чтобы въ случаѣ возможныхъ возникнувшихъ неурядицъ, поспѣе прекратить оныя. Сверхъ того, 13 Сентября назначено было открытіе Французскихъ Палатъ, и къ сему дню Государю угодно уже было находиться внѣ Парижа, чтобы предоставилъ Людовику XVIII дѣйствовать совершенно какъ независимому Монарху, по своему усмотрѣнію. Сперва думали ѣхать въ Дижонъ, потомъ въ Брюссель, оттуда чрезъ Франкфуртъ и

Барейшъ, въ Прагу, Бреславль и Берлинъ; но попомъ перемѣнили сіе предположеніе, съ шѣмъ, чшобы изъ Парижа отпра-
вишься въ Брюссель, опшуда на смотръ Авспрійской арміи въ Дижонъ, а въ за-
ключеніе черезъ Швейцарію и Богемію въ Берлинъ и въ Варшаву. Маршрушъ для пупешествія по Швейцаріи съ озна-
ченіемъ всего, чшо заслуживало вниманія, былъ написанъ Лагарпомъ.

13 Сеншября мы отправилися изъ Парижа рано поушру, когда еще сшолнца сія погружена была во снѣ; проѣзжая по пущыннымъ въ шо время улицамъ ея, и смощря впослѣдніе на великолѣпныя ея зданія, нельзя было не ощущашъ разныхъ впечашлѣній, возбужденныхъ трехмѣсячнымъ пребываніемъ въ Парижѣ, кошораго имя сопряжено нынѣ навѣки со славою Россіи. На первомъ ночлегѣ въ Пероннѣ помѣщена была на домѣ, въ кошоромъ Государь изволилъ оспановишься, слѣдующая надпись: »Александръ признашельная Франція.« Въ семь городѣ Меръ пригласилъ меня на ужинъ, за кошорымъ находилися почешнѣйшіе изъ жишелей, и я при семь случаѣ вновь убѣдился, чшо Французы въ провинціяхъ не имѣють собшвеннаго своего мнѣнія, а

основывающъ политическія сужденія свои на образъ мыслей Парижанъ. На другое утро мы проѣзжали село Гозонкуръ, коего погорѣвшимъ жителямъ Государь пожаловалъ двѣ тысячи франковъ. Приближаясь къ крѣпости Камбре, кошорая не сдалась еще Союзникамъ, я намѣренъ былъ объѣхать вокругъ нее, шѣмъ болѣе, что лошади были загошовлены въ полѣ; но ко мнѣ вышли на встрѣчу Депушашы, и просили ѣхать черезъ городъ, на что я согласился. То же предложеніе сдѣлано было мнѣ въ Валансienъ, равномерно занятомъ Французскими войсками, и въ обѣихъ крѣпостяхъ караулы выходили для меня къ ружью, дома были украшены цвѣтами, улицы усыпаны пескомъ, и народъ, наполнявшій оныя, привѣтствовалъ меня восклицаніями: да здравствуетъ Александръ!

Окрестности Брюсселя прелестны; вездѣ видны прекрасныя сады и богатыя селенія: вѣковое благосостояніе сей страны, породившее несмѣшныя капишалы разнаго рода, совсѣмъ не поспрадало отъ войны, коей она недавно была позорщемъ. На послѣдней спанціи Оранскій Принцъ ожидалъ Государя; шущъ же находился Генераль Фуль, кошорый былъ

извѣспенъ въ началѣ опечеспвенной войны нашей. Въ продолженіе разговора я спросилъ его, почему онъ не носишь медали, успановленной на походъ 812 года. — »Я сохранилъ, опвѣчалъ онъ, въ воспоминаніе онаго шолько чиспую совѣспь.« — Опъ сей спанціи до самага Брюсселя дорога успавлена была щегольскими экипажами, выѣхавшими на вспрѣчу Императору. Дворецъ Королевскій можно было скорѣе приняшь за жилище частнаго человѣка: онъ споль шѣсенъ, что для Государя въ немъ не было помѣщенія, а пригошовили домъ Маркиза д'Аше. Каммергеры, пажи и другіе чины Нидерландскаго Двора не ловки и одѣшы не богато; приемы ихъ обнаруживали, что они еще не привыкли къ придворному ремеслу, кошорое, какъ и всякое другое, пребуешъ многолѣшняго навыка. Легко замѣшшишь можно было, что большая часть изъ нихъ не попомки феодальныхъ рыцарей, а внуки купцовъ, кошорые на Амстердамской биржѣ успановляли нѣкогда ходъ всемірной шорговли. Впрочемъ Дворъ и самое Королевспво Нидерландское спщеспвовали такъ недавно, что нельзя было бышь слишкомъ взыскашельну, шѣмъ болѣе, что Прависельспво нахо-

дилось въ зашруднительномъ положеніи; ему предспояль чрезвычайно важный шрудъ — изгладить ненависть, существовавшую между Голландцами и Бельгійцами.

Всего болѣе, находясь въ Брюссель, желашельно мнѣ было видѣть поле Ваперлоскаго сраженія, на копоромъ менѣе нежели за три мѣсяца рѣшена была участь Европы. Въ одно прекрасное утро, я опсправился, чрезъ Суаньской лѣсь, въ село Ваперло, гдѣ предъ сраженіемъ находилась Главная кваршира Фельдмаршала Веллингшона. Тракширь, гдѣ онъ ночеваль, носилъ его имя: здѣсь я взялъ проводника, копорый разсказываль мнѣ, что во время дѣйствія жишели сего селенія находились въ большомъ спрахѣ, ибо послѣ обѣда полагали, что Французы одержали побѣду, и обозы Англійской арміи получили приказаніе подаваться назадъ. Опсюда недалеко находишся возвышеніе, называемое Монъ-Сенъ-Жанъ; когда Французы доспигли до онаго, шо полагали уже успѣхъ несомнѣннымъ; но швердость Веллингшона и прибышіе Прусаконъ воспоржествовали надъ ихъ усиліями, и они были отбиты. Англійскій Фельдмаршалъ находилсь при деревнѣ Ла-

ге-Сенпъ, и соотечественники его дорогою цѣною покупають у крестьянъ сего селенія деревья, перевозящъ ихъ въ Англiю, и сажаютъ въ свои парки, какъ памятникъ народной славы. Въ полуверстѣ отъ Лаге-Сенпъ показываютъ мѣсто, гдѣ долго споялъ Наполеонъ; проводникъ мой находился при немъ, и рассказывалъ мнѣ съ жаромъ, какъ Наполеонъ ободрялъ войска свои, наспулавшія на Англійскія бапарей, и съ какимъ воспоргомъ колонны опвѣчали на знакомый голосъ своего предводишеля, копорый даже не измѣнился въ лицѣ, когда удосповѣрился, что съ правой спороны его показались Прусаки. Пустъ выразишь живописецъ чувства, обуревавшія въ эту минушу душу гордаго завоевашеля, копорый зналъ, что звѣзда счастья его померкала навѣки съ появленіемъ Блюхера!—

Вопъ мѣсто, гдѣ Генераль Камбронъ, окруженный опвсюду многочисленнымъ неприятелемъ, сказалъ: »гвардія умираешъ, а не сдаешся:« выраженіе сіе конечно опзовешся въ попомощвѣ.—Я заключилъ прогулку мою при деревнѣ Прекраснаго Союза; на шракширѣ оной написано, »что Фельдмаршалы Веллингтонъ и Блюхеръ, »вспрѣвшись здѣсь, поздравили другъ дру-

»га съ побѣдою.« Тупъ, присовокупилъ проводникъ мой, бѣгство Французовъ было общее, и смятенія ихъ описать невозможно; но Императоръ Французовъ сохранилъ хладнокровіе свое, и поворотивъ лошадь, медленно и въ молчаніи слѣдовалъ за бѣгущими. На полѣ сраженія находясь множество картечь, пуль, штыковъ, лапъ и другихъ воинскихъ снарядовъ, копорые жилиши окрестныхъ селеній продають любопытнымъ путешественникамъ, во множествѣ сюда спекающимся.—Возвращаяся въ Брюссель, я встрѣшилъ Государя съ Принцемъ Оранскимъ, ѣхавшихъ въ Ваперло.

21 Сенября мы отправились изъ Брюсселя въ Дижонъ; на семь проспанствъ, заключающемъ въ себѣ болѣе пяти сощъ верствъ, ни одинъ вооруженный не сопровождалъ Государя, не взирая на то, что мы ѣхали по землѣ непріятельской, гдѣ умы находилися въ чрезвычайномъ броженіи. Жилиши опдаленныхъ мѣстъ опъ большой дороги, спарые и малые, мужнины и женщины, полпились на почповыхъ дворахъ, чтообы взглянушь на повелителя Франціи и спасителя ея, какъ они Его называли, подавали Ему просьбы и говорили о своихъ нуждахъ, какъ

настоящему своему Монарху. Къ вечеру вшораго дня мы ошпановилися въ Шомонѣ, гдѣ была главная кваршира Баварскихъ войскъ, предводителеспвуемыхъ Фельдмаршаломъ Вреде, однимъ изъ отличнѣйшихъ людей нашего времени, который много способспвовалъ къ возвышенію своего опечеспва: онъ не сполько славенъ воинскими подвигами, сколько благоразумнымъ поведеніемъ съ шѣми Державами, съ кошорыми Баварія находилась въ связяхъ. Наружность его пріятна; онъ прекрасно говоритъ, и содержитъ войско ему ввѣренное въ спрогой подчиненности. — Къ великолѣпному ужину, продолжавшемуся часа два, приглашены были всѣ Баварскіе Генералы и Штабъ-офицеры: они съ благоговѣніемъ слушали Государя, очаровавшего ихъ своею любезностию. На другой день Баварская армія производила маневры въ присушствіи Государя, при началѣ коихъ меня опсправили въ Дижонъ — просишь Авспрійскаго Имперашора, чшобы онъ не ожидалъ лично прибытія Государева, кошорый, для избѣжанія нарядной вспрѣчи, желалъ пріѣхашь ночью. — 25 Септября были маневры Авспрійскихъ войскъ. Государь при проходѣ полка своего имени, спалъ въ головѣ она-

го и салюповалъ Имперашору Францу. Такъ какъ мы распавалися на долгое время съ Авспрйцами, нашими спаринными неизмѣнными Союзниками, по Государь пожаловалъ ордена многимъ изъ офицеровъ ихъ, наиболѣ опличившимся въ послѣднихъ войнахъ.

ГЛАВА X.

Отъездъ изъ Дижона. — Люрѣ. — Базель. —
Цирихъ. — Констанцъ. — Линдау.

26 *Сентября*. Мы выѣхали изъ Дижона въ Швейцарію, и имѣли первъій ночлегъ въ маленькомъ городкѣ Люрѣ. Всѣ чиновники, находившіеся при Государѣ, опсправились прямо въ Берлинъ, нѣкопорые изъ Брюсселя, а другіе изъ Дижона, такъ, что при Его Величествѣ оспался одинъ Начальникъ Шшаба Его. Улицы Люра скоро опуспѣли, пошому что погода была самая бурная, шель проливной дождь, ревлѣ осенній вѣшерѣ. Когда пробила полночь, я подошелъ къ окну и увидѣлъ въ домѣ, насупрошивъ меня находившемся, Государя, кошорый сидѣлъ за споломъ при двухъ свѣчахъ. Улица была шѣсная, ночь совершенно шемная, и картина величайшаго Монарха въ Свѣшѣ, уединенно шрудящагося въ глухую бурную ночь, такъ врѣзалася въ моей памяши, что я какъ будшо шеперь ее ви-

жу: вошь Онъ пишешъ . . . . кладешъ перо . . . . размышляешъ . . . . опяшь пишешъ . . . . Ударило два часа . . . . Императоръ вспалъ и пошелъ въ почивальню. — По выѣздѣ изъ Люра, мнѣ приказано было отпра- виться впередъ, и извѣстивъ начальство- вавшаго въ Бедоръ Генерала Лекурба, ко- торый прославился во время революціон- ной войны, чшобы онъ не дѣлалъ Госу- дарю ни какого приема. Неподалеку отъ крѣпости, я встрѣшилъ человекъ полпо- распа Французской конницы, слѣдовав- шихъ за карешою, въ кошорой сидѣлъ Генералъ, и я узналъ въ немъ Лекурба болѣе по выразишельнымъ чертамъ лица, нежели по звѣздѣ, кошорою онъ былъ украшенъ. Выслушавъ меня, онъ возвра- тился въ Бедоръ.

Мало по малу показывались горы, окру- жающія Базель. Онъ, думалъ я, лежашъ въ счастливыхъ спранахъ Швейцаріи, гдѣ обитающъ просвѣщеніе и промыш- леноспъ! Въ сію минушу небо выя- снилось, солнце проглянуло изъ-за шучь, кошорыя скрывали оное въ печеніе все- го дня, и я увидѣлъ прекрасную долину, орошаемую величеспвеннымъ Рейномъ. Ни одна рѣка не была споль много вос- пѣша Спихопворцами, какъ Рейнъ. Кшо,

проведя нѣсколько времени на берегахъ его, не вспомнишь съ восхищеніемъ о карпинныхъ ландшафтахъ, о добродушныхъ жипеляхъ Германіи, о цѣлипельномъ винѣ и о зеленыхъ рюмкахъ, при звукѣ копорыхъ молодые люди пьютъ здоровье своихъ любезныхъ, славятъ независимость, и клянутся въ вѣчной дружбѣ! По приближеніи къ Базелю, деревни спановятся чаще и богачѣ; Французское нарѣчіе непримѣнно исчезаетъ. Нѣмецкіе кресьяне смопрятѣ съ любопытствомъ на проѣзжающаго, кланяюща ему привѣтливо, и опѣ чистаго сердца желаютъ ему благополучнаго спрансвованія, а Французскіе поселяне, напропивъ шого, въ большихъ шляпахъ, въ синихъ рубахахъ и съ толстыми косами глядятъ на путешественника съ грознымъ и непріязненнымъ видомъ.

Въ чепыре часа я пріѣхалъ въ Базель; народъ и войска ожидали Государя, и приняли Его съ воспоргомъ. Городъ былъ иллюминованъ; передъ нашимъ домомъ горѣла слѣдующая надпись на Нѣмецкомъ языкѣ: »Да будетъ благословеніе Всевышняго на знаменипомъ Императорѣ Александрѣ, Копорый смѣло началъ первыи войну за Европу.«— По пріѣздѣ, мы

надѣли фраки. До глубокой ночи народъ наполнялъ улицы; я вмѣшивался въ толпы его, и слышалъ общій голосъ, что жишели почишающъ день сей однимъ изъ радоспнѣйшихъ. Раздѣляя съ ними чувство сіе, я вспомнилъ, какъ 1го Генваря 1814 года наша армія переходила въ первый разъ Рейнъ при Базелѣ. По освобожденіи Германіи и по прекращеніи переговоровъ, начатыхъ во Франкфуртѣ, положено было вступитъ во Францію. Никогда знамена наши не бывали такъ далеко отъ границъ нашихъ, и никогда не готовились мы на столь важное предпріятіе, пошому что Рейнъ и крѣпости, лежащія какъ на рѣкѣ сей, такъ и вблизи отъ оной, почишались со временъ Лудовика XIV непреодолимою обороною Франціи. Вся Европа полагала, что война въ нѣдрахъ сей Державы должна бытъ сопряжена съ неимовѣрными трудностями; думали, что народъ Французскій, пріобыкшій къ кровопролитію и исполненный воинскаго духа, будетъ защищать упорно каждый шагъ земли своей. Не взирая на сіи уваженія, мы шли впередъ, чтобы нанести послѣдній ударъ тому, кто дерзнулъ нарушить спокойствіе нашего опечесства: счастье увѣнчало отваж-

ное предпріятіе, и на шомъ самомъ мѣ-
спѣ, гдѣ менѣе нежели за два года гус-
сшыя ряды нашихъ войскъ, при радосш-
ныхъ восклицаніяхъ ура! водружали на
лѣвомъ берегу Рейна Русскія знамена, я
сшоялъ мирнымъ гражданиномъ, и смо-
прѣлъ на быспрыя волны рѣки, доколѣ
не угасли огни, зажженные для праздни-
ванія прибышія Государя.

27 Сеншября, рано поушру, мы выѣха-
ли изъ Базеля въ Цирихъ. Гусшой шу-
манъ носился въ воздухѣ, но въ скоромъ
времени разсѣялся, и я увидѣлъ множе-
сшво деревень, виноградныхъ садовъ и
шучныя спада, пасшіяся на богашыхъ
лугахъ. Съ каждымъ шагомъ виды спа-
новились красивѣе; мы проѣхали чрезъ
два города, Рейнфельденъ и Брукъ, и ми-
новавъ сей послѣдній, поднялись на высо-
кую гору, на кошорой посажены чешыре
липы. Опсюда опкрылась цѣпь снѣж-
ныхъ горъ, тамъ Гриндельвальдъ, Шша-
убахъ, Шрекгорнъ, Гасли, Луцернское
озеро, гдѣ сооружена часовня Телю, а
шамъ далѣе мечшались мнѣ крупизны
Сень-Гомарда. О мѣста незабвенныя, гдѣ
прошело нѣсколькo сшасшливыхъ недѣль
моей молодосши, гдѣ первые лучи солн-
ца я вспрѣчалъ на горахъ, коихъ верши-

ны возвышающаюся выше облаковъ, гдѣ цѣлые дни проводилъ при шумѣ водопадовъ, посреди цвѣшущихъ долинъ, въ дремучихъ лѣсахъ, на краю ужасныхъ пропащей, и опдыхалъ въ шалашахъ Альпійскихъ паспуховъ! Тамъ опечесиво невинныхъ, просныхъ нравовъ, и древніе обычаи праощевъ почишающаюся съ набожносцію. Погруженный въ сихъ мечшахъ, я проѣхалъ мимо развалинъ Габсбургскаго замка, гдѣ Домъ Австрійскихъ Императоровъ воспріялъ свое начало; но что мнѣ до славы ихъ? Я былъ съ природою, и въ саду ея!—Вскорѣ представилась намъ рѣка Аара, извивавшаяся по долинѣ, по копорой мы ѣхали часа три, а пошомъ мы приблизились къ живописнымъ берегамъ Лимашы. Какіе сады! какія горы! а на нихъ непрерываемая цѣль красивыхъ домиковъ, простирающаюся на нѣсколько верспъ, гдѣ обиаешъ довольсиво и увѣренносъ, что собсшвенносъ свяпо чшима. Государь нѣсколько разъ оспанавливалъ свою коляску, гулялъ пѣшкомъ и заходилъ въ креспьянскіе дома.

Въ шесшомъ часу я пріѣхалъ въ Цирихъ, и оспановился въ пракширѣ Меча, у извѣснаго всей Европѣ Пешера. Изъ оконъ моей горницы видно Цирихское

озеро, окруженное богатѣйшими селеніями. Долго смопрѣлъ я на него: вершины Альповъ начинали альпъ опѣ заходящаго солнца; новый мѣсяцъ показывался на небѣ, но вдругъ барабанный бой и радостныя крики народа возвѣспили прибытіе Государя. Нашъ домъ наполнился первыми чиновниками Республики, копорые предспавлялись Его Величеству; а потомъ мы поѣхали на городской балъ, на копоромъ находился между прочими Русскій Посланникъ; эшо явленіе было новое, ибо прежде Вѣнскаго Конгреса, Россія не содержала при Гельвешическомъ Союзѣ своего Посольства; учрежденіе онаго было однимъ изъ доказательствъ распространенія политическаго вліянія ея на дѣла Европы. Швейцарскія женщины, славящіяся своими добродѣтелями, были на балѣ не совсѣмъ ловки: живя въ шѣсномъ кругѣ своихъ семействъ, онѣ не привыкли къ многлюднымъ собраніямъ; любовьшество ихъ было сильно возбуждено присушествіемъ Государя, ибо республиканкамъ симъ очень рѣдко случается видѣть Монарховъ.

28 Сенсября поупру Государь посѣщаль мѣсто, гдѣ покоишся прахъ Геснера, а мнѣ вельно было ѣхашъ впередъ въ

Конспанць. Поднимаясь на гору, лежащую близъ Цириха, я смопрѣль долго съ восхищеніемъ на Цирихское озеро и на тысячи излучиспыхъ пропинокъ, извиивающихся около селеній. Проведя нѣсколько лѣтъ въ разсѣянности воинской жизни и посреди царскихъ дворцевъ, я полагаль, что я уже опжилъ для красотъ природы, что быспрая рѣка, что восходящее солнце, что ясное небо, что пѣніе ппичъ въ дремучемъ лѣсу не принесушь мнѣ болѣе, какъ во дни юности, испиннаго наслажденія; но взглядъ на Лимапу и на Альпы пробудилъ усыпленные чувства, и грудь заволновалась, какъ прежде. Тѣ драгоцѣнныя минушы удовольствія, за которыя мы обязаны единспвенно созерцанію изящныхъ картинъ природы, ни съ чѣмъ сравнишься не могушь.

Швейцарская граница кончидься, и Баденская начинаешься близъ самага Конспанца, города стариннаго, слишкомъ обширнаго по соразмѣрности съ числомъ жителей. Я взошелъ на колокольню Соборной церкви, откуды увидѣль на нѣсколько верспъ шеченіе Рейна, все пространспво Боденскаго озера, около котораго множеспво городовъ и деревень уславлены, шакъ сказашь, одни возлѣ другихъ, и цѣль

Альпійскихъ горъ, съ копорыми я прощался, можешъ бышь, навсегда. Послѣ того я оспановился на берегу озера, и нѣсколько минушь смопрѣлъ, какъ мелькали паруса и рыбацьи лодки разсѣкали пихія волны. По положенію моему, я шолько украдкою могъ наслаждашься природою. Государь, по пріѣздѣ въ Констанць, ошправился на оспровъ Мейнау, лежащій ошъ города версшахъ въ шрехъ, а я пошелъ въ свою комнату, и перечишывалъ маршрутъ по Швейцаріи, писанный рукою Лагарпа. Ежели эшотъ листъ бумаги, думалъ я, не зашеряешся, то попомство приметъ его съ такими же чувешвами, съ какими бы мы смопрѣли шеперь на описаніе пушешешвія, сосшавленнаго Ариспошелемъ для Александра Македонскаго. Лагарпъ предлагалъ ѣхашъ изъ Дижона въ Женеву, попомъ въ Лозанну, а ошшуда въ Бернъ и Арау, коего Каншонъ обязанъ Государю своимъ политическимъ сущешвованіемъ; но сіе предположеніе не сосшоялось по нѣкошорымъ причинамъ.

29 *Сентября*. Мы сегодня ѣхали весь день около Констанцскаго озера чрезъ Губъ, Роршахъ, Рейнекъ и Брегенць, и прибыли въ Линдау. На дорогѣ насъ встрѣшили

воспитанники одного училища, одѣтые въ мундиры; посреди ихъ пославленъ былъ на возвышеніи поршреть Государя, къ кошорому вели нѣсколько ступеней, усѣянныхъ, шакъ сказашь, маленькими дѣвущками, цвѣшущими какъ розы, изъ коихъ каждая указывала на изображеніе Императора. Мѣстоположенія около озера прекрасны, но пашни не шакъ хорошо обработаны, какъ въ окрестностяхъ Цириха; селенія бѣдны и народъ не споль опряшенъ, чему причиною Каполическая религія. Недалеко отъ Рейнека мы переправились чрезъ Рейнь и очутились въ Тироль, посреди горъ, называемыхъ Форарлбергъ; нарѣчіе и одежда жителей совсѣмъ другія, нежели въ Швейцаріи, и я смотрѣлъ съ бѣльшимъ удовольствіемъ на Тирольцевъ, воспріявшихъ съ свободою отъ предковъ нравы свои и обычаи, которые они умѣли сохранить и защитить въ бурное для отечества ихъ время. Здѣсь-то надобно слышать повсюду эхомъ высокихъ горъ Тирольскія пѣсни, при звукѣ кошорыхъ раждаешся у Тирольцевъ шоска по отчизнѣ, въ какую бы удаленную страну они ни были занесены судьбою. И на меня наша невольная грусть при мысли, что я съ

каждымъ шагомъ приближаюся къ сѣверу и, вѣроятно, навсегда оставлю южную часть Европы, гдѣ прелести природы встрѣчаются чаще, деревья зеленѣе, цвѣты ароматнѣе, воображеніе жипелей плодовитѣе, разговоръ ихъ оспрѣе.

ГЛАВА XI.

Дорога изъ Линдау. — Приключеніе въ Ниренбергъ. — Австрійскіе чиновники. — Угощенія. — Празднованіе Лейпцигскаго сраженія. — Замокъ Петерсвальде. — Дорога до Берлина. — Превываніе въ сей столицѣ. — Калишъ. — Воспоминаніе о Князѣ Смоленскомъ.

Наше пупешествіе по Швейцаріи окончилось въ Линдау, гдѣ я получилъ приказаніе ѣхать не осшанавливаясь чрезъ Ульмъ и Ниренбергъ въ Богемію, до мѣстечка Черговицъ, находящагося за нѣсколько станцій ошъ Праги, и ожидашь шамъ прибышія Его Величештва. Скорошь, съ кошорою мнѣ надлежало слѣдовашъ чрезъ изрядную часшь Германіи, не позволяла мнѣ дѣлать наблюденій и всшупашъ въ разговоры не шокмо съ жишелями, но даже съ чиновниками, высланными намъ повсюду на вспрѣчу, пѣмъ болѣе, что они на разные мои вопросы

о мѣспносняхъ и пому подобномъ, старались опдѣлывашься опъ меня весьма корошкими опивѣшами, и сами предлагали мнѣ тысячу вопросовъ о Государѣ. Я принужденъ былъ довольствовашься тѣмъ, что смошрѣлъ, какъ мимо меня мелькали, такъ сказашь, деревни, села и города. Въ Ульмѣ Король Виршембергскій ожидалъ лично Императора, а въ Ниренбергѣ случилось со мною слѣдующее забавное приключеніе. Такъ какъ я ѣхалъ въ придворной коляскѣ, и на козлахъ сидѣлъ кучеръ въ придворной ливреѣ, по Нѣмцы, съ часу на часъ ожидавшіе Императора, приняли меня за Его Величество, и едва я подѣхалъ къ городскимъ ворошамъ, ударили во всѣ колокола, раздались пушечные выстрѣлы, громогласное ура, и тысячи народу, собравшагося на улицахъ, бѣжали за моею коляскою. Разувѣряшъ въ ихъ заблужденіи словами было невозможно, пошому что опъ ужаснаго шума не слыхашъ было моихъ рѣчей; я сначала махалъ руками, дѣлалъ разные знаки, но видя, что все было безуспѣшно, долженъ былъ молчашъ, и въ семь шріумфѣ меня довели до дома, назначеннаго для Государя, гдѣ меня важно вышли встрѣчашъ Министры, присланные

опѣ Баварскаго Короля и городскіе чиновники, копорымъ я на-скоро объяснивъ о происшедшемъ недоумѣніи, поспѣшилъ скрыться опѣ рукоплесканій и кликовъ народныхъ.

Природа ежедневно измѣнялась: я любовался ея красошами еще за три дня; а теперь видны были повсюду пески, глубокіе еловые лѣса, и—вмѣсто богатыхъ Швейцарскихъ поселянъ, бѣдноспъ, копорая спановилась примѣшнѣе, по мѣрѣ какъ я приближался къ городу Черговичу. Государь пріѣхалъ сюда 3го Октябрю, и перемѣня лошадей, опсправился въ помѣстье Князя Шварценберга, Ворликъ, а мнѣ сказано ѣхать въ Прагу, и ожидать шамъ дальнѣйшихъ предписаній. Давно не радовался я ни одному приказанію сполько, какъ сему; ибо въ первый разъ въ печеніе принадлежали мѣсяцевъ, въ копорые ни одна минута не принадлежала сповенно мнѣ, сдѣлался совершенно спободнымъ и могъ по произволу распорашать нѣсколькими днями. Въ полночь я опсправился въ путь, и не могъ сомкнуть глаза, не взирая на успалоспъ: меня восхищало чувство крапковременной моей независимости. По прибытіи въ Прагу, я надѣлъ фракъ, и пошелъ пѣшкомъ на

оспровъ, называемый маленькою Венеціею. Туманъ покрывалъ прекрасные берега Молдавы; народъ показывался изрѣдка по улицамъ, и колокольный звонъ шолько чшо начиналъ созывать къ богослуженію. Я гулялъ по оспрову, на копоромъ уже за семь лѣтъ проводилъ пріятнѣйшіе вечера, гдѣ на осьмнадцатомъ году ошъ роду, будучи спранникомъ на сей земль, споялъ у берега въ задумчивоспи; смощря на заходящее солнце, думалъ о будущемъ своемъ назначеніи въ жизни, и возвращался въ уединенное свое жилище. Я не зналъ, чшо форшуна мнѣ улыбнешся, и чшо судьба опредѣлишь мнѣ въ благопріятнѣйшихъ обшояшельсвахъ посѣспить снова пѣмѣспа, гдѣ я бывалъ прежде, ни кѣмъ незнаемый.

Не успѣлъ я прійти съ гулянья, какъ начали ко мнѣ съвзжашься съ посѣщеніями и предложили мнѣ комнашы, пригошвенныя для меня во дворцѣ. Послѣ сего я былъ у Главногокомандующаго Фельдмаршала, Графа Коловраша, копорый ошъ спароспи едва могъ говорить; въ помощь данъ ему извѣспный Генераль Графъ Кленау, копорый осыпалъ меня учшivosпиями. »Были ли вы у гражданскихъ чи-

»новниковъ,« спросилъ онъ меня — »чтобы условиться съ ними о днѣ прїѣзда Государя и о пребываніи Его Величества въ Прагъ?« — Нынь — отвѣчалъ я, — и по эшимъ предмешамъ хопѣлъ съ вами переговорить. — »Я съ моей стороны все сдѣлалъ,« отвѣчалъ онъ: »но васъ убедительно прошу, побывашъ у сихъ господъ. Какъ военный, скажу вамъ опкровенно, что это имъ и самому мнѣ будетъ очень прїятно.« Сіи слова Генерала удосповѣрили меня, что въ Авспрїи военные власпи подчинены въ мирное время гражданскимъ. Окончивъ посѣщенія, посѣшилъ я во дворець, чтобы насладиться однимъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ, какіе мнѣ извѣстны. День былъ опмѣнно ясный, и городъ, окрестности его, рѣка Молдава, горы, лѣса и загородные дома предспавились мнѣ въ новой красотѣ. Я обѣдалъ у Генерала Клену со многими Авспрїйскими офицерами, которые хотя разумно разсуждающъ, но въ обращеніи неловки. Всѣ прелести молодой дочери Графа не могли развеселить ихъ. За обѣдомъ былъ Адьюпантъ Блюхера, Шпранць, съ которымъ я коропко познакомился. — Союзъ между двумя народами не былъ никогда споль шѣсенъ, какъ

между Россіею и Пруссіею, и когда офицеры сихъ двухъ Державъ гдѣ нибудь встрѣяшся, по почишающъ другъ друга совершенно за своихъ.

Я не могу довольно нахвалишься ласковымъ пріемомъ Прагскихъ вельможъ и заботливостію различныхъ мѣстныхъ начальствъ, съ копорою они дѣлали всякаго рода пригошовленія для пребыванія Его Величества, въ надеждѣ, что Государь изволишь оспановишься на нѣскольکو дней въ Прагѣ. Живши въ семь городѣ пять дней, я былъ безпрестанно приглашаемъ на обѣды, на вечера и въ театръ. Обращеніе дворянства такое же, какъ и въ прочихъ столицахъ; только жаль, что поваренное искусство не сдѣлало у нихъ успѣховъ: подражая во многомъ Французамъ, почему не брашь также примѣра съ Робера, Бовилье и Вери, копорые до сихъ поръ не имѣющъ себѣ равныхъ въ Европѣ?

Черезъ три дня я получилъ приказаніе ѣхать впередъ, чрезъ Кениггрець, Находъ и Глаць, въ Силезію, въ замокъ Пешерсвальде, близъ Рейхенбаха, гдѣ мы жили нѣсколько мѣсяцевъ во время перемирія въ 1813 году. Я снова былъ свидѣтелемъ бѣдности и непросвѣщенія Богемскихъ жителей. Какая перемѣна въ

Силезіи! Сіи двѣ земли опдѣляюцца польско Исполинскими горами; но, переѣхавъ хребешъ оныхъ, кажешся, вступаше въ новый свѣтъ. Языкъ, народъ, климашъ, образъ жизни. — все другое; земля плодороднѣе, пашни шучнѣе, луга зеленѣе, обывашели веселѣе и не бояшся проѣзжающихъ, зная, что законы ихъ защищаютъ. — 6го Октябрю праздновали день Лейпцигскаго сраженія опмѣннымъ образомъ, принятымъ во всей Германіи. Лишь польско вечеръ насшалъ, какъ на вершинахъ холмовъ и горъ зажгли костры, нарочно для сего пригошовленные, копорые горѣли въ продолженіе всей ночи. Такимъ образомъ огонь, знаменующій время освобожденія Германіи, пымалъ опъ Тріесша до Гамбурга, и опъ Вислы до Рейна.

Вечеромъ я пріѣхалъ въ замокъ Пеперсвальде, принадлежацій брапу славнаго Спихопворца, Графа Спольберга, изъ оконъ копорого опкрывающа прелесные виды на плодоносныя поля Силезіи. Я не могъ безъ особеннаго удовольствія смопрѣшь на башни Рейхенбаха, гдѣ за два года предъ симъ мы жили во время перемирія, и на высокіе ушесы Фиршшенштейна, гдѣ, посреди развалинъ

древняго зданія, я забывалъ въ пріятныхъ прогулкахъ кровопролитную войну, которая тогда предшояла. Но замокъ Пешерсвальде, въ копоромъ я находился, испорическими воспоминаніями разсѣялъ мои мечты: въ ономъ въ 1813 году заключены Союзные договоры съ Австріею и Баваріею противъ Франціи, и положено основаніе успѣхамъ нашимъ, одержаннымъ въ послѣдствіи; а посему замокъ сей сдѣлался для Германіи шѣмъ, чѣмъ Лепашевка для Россіи — колыбелію ея свободы.

8 Октября мы выѣхали изъ Пешерсвальда въ Берлинъ. Въ пріумфальныхъ ворошахъ не было недоспашка, ибо въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ поспавлено было по нѣскольку шаковыхъ ворошъ, сдѣланныхъ изъ ельника съ различными надписями и вензелями Государя, а ближе къ Берлину являлись въ селеніяхъ множество дѣвушекъ въ бѣлыхъ плашьяхъ, съ вѣнками на головахъ, которыя сыпали цвѣты при проѣздѣ Императора. Въ разсужденіи госпепримства я ошибся, ибо полагалъ, что жищели всѣхъ соспояній и дѣшъ поспѣшатъ къ намъ на вспрѣчу, что пиры и празднесства будущъ по всей дорогѣ; на-

прошивъ того, почти всюду я долженъ былъ плашиться за кушанье и напитки. »Генералы Гюркъ и Гюнербейнъ,« сказали мнѣ одинъ Прусскій офицеръ, »вспрѣшашъ васъ на границѣ, и будущъ сопровождашъ до Кроссена, гдѣ Генераль Браушицъ ихъ смѣнишъ. Мы не помнимъ еще шакого »пріема.« — Но я былъ вскорѣ ушѣшенъ однимъ Прусакомъ, кошорой въ полной мѣрѣ чувствувешъ, что Россія сдѣлала для его опечесства. Мы расположились для ночлега въ городкѣ Минхенбергѣ; хозяинъ дома, въ кошоромъ опвели мнѣ кварширу, испощивъ всѣ средсва угощенія, предложилъ наконецъ опстановить ходъ спѣнныхъ часовъ, дабы спукъ оныхъ не беспокоилъ меня во время сна моего. Въ Кроссенѣ полагали, что Государь опстановишя шамъ для ночлега, и пригоповленъ былъ для Его Величесства пошъ самый домъ и шѣ комнашы, въ которыхъ живалъ Фридрихъ Вшорой, и ша самая кровашъ, на кошорой спалъ сей единственный Монархъ.

Около обѣда мы вѣхали въ Берлинъ. На послѣдней спанціи опказали мнѣ въ почшовыхъ лошадахъ, а впрягли дурныхъ обывашельскихъ. Необозримое множесшво жишелей споліцы вышми на встрѣчу

Государю, бывшему въ Прусскомъ мундирѣ. Король вспрѣшилъ Высокаго Посѣпшеля своего въ Фридрихсфельдѣ, и оба Монарха опправились въ опкрышой коляскѣ въ Берлинъ, гдѣ по улицамъ разспавлены были войска, проходившія попомъ церемоніальнымъ маршемъ.

Мы провели въ Берлинѣ около двухъ недѣль, въ печеніе которыхъ совершенно обрученіе бывшаго погда Великимъ Княземъ Императора Николая Павловича со Дщерію Короля. Здѣшній Дворъ не пышенъ; нѣтъ ни красавицъ, ни щеголей; всѣ подражаютъ Королю, которой ведетъ скромную жизнь; самыя богатыя семейства живутъ весьма расчепливо: нѣтъ домовъ опкрытыхъ для незваныхъ госпей. Память покойной Королевы всѣми чнима; придворные часто объ ней вспоминаютъ, говоря намъ, »если бы она »была жива, какъ бы вы у насъ повеселились!« Въ городъ было пусто; жители жаловались на разореніе войны, коея послѣдствія не совсѣмъ еще погда изгладились. Въ девять часовъ вечера не видно было на улицахъ экипажей, шишина царствовала во всемъ городѣ, и ни что не напоминало, что вы находитесь въ столицѣ могущественнаго Государства. Въ

это время проходилъ чрезъ Берлинъ С. Петербургскій гренадерскій полкъ, коего Прусскій Король Шефомъ. Вспуленіе его въ столицу было самое шоржеспивенное: Король въ Русскомъ мундирѣ, находясь передъ первымъ взводомъ, салюповаль Государю; офицеры обѣдали во дворцѣ за Королевскимъ столомъ, а солдапъ угощала Прусская гвардія. Примѣчательнѣе всего, что нѣкошорые караулы были заняшы Русскими солдапами сего полка.

27 Октябрия мы выѣхали изъ Берлина чрезъ Франкфуртъ въ Калишь. Груспно было мнѣ разспаваться съ Германіей, и слышашъ, какъ мало по малу исчезалъ Нѣмецкій языкъ, на кошоромъ я получилъ первыя поняшія о прелеспяхъ Наукъ. На другія сушки мы были уже въ предѣлахъ Россіи, и по пріѣздѣ въ Калишь, я поспѣшилъ въ шопъ домъ, гдѣ жилъ въ 1813 году Князь Смоленскій; сердце мое билось, когда я шелъ по лѣспницѣ, на кошорой прежде вспрѣчалъ именишѣйшихъ Генераловъ. Но сколь велико было мое негодованіе, когда споявшій шупъ Полякъ спросилъ меня, зачѣмъ я иду на верхъ, и узнавъ причину, сказалъ, что онъ и не слыхалъ о нашемъ героѣ. Я вошелъ въ комнапу, гдѣ онъ обыкновенно

занимался дѣлами, гдѣ я его видѣлъ предсѣдавшаго при рѣшеніи участи вселенной, и гдѣ иногда удоспоивалъ онъ меня своимъ разговоромъ. Мною овладѣло благоговѣніе сильнѣе иного, которое я чувствовалъ въ гробницѣ Сципіона и въ памятникахъ Римской славы. Слабый свѣтъ одной свѣчи придавалъ мѣспу сему мрачный видъ, шѣмъ болѣе ощушительный, что въ эту минуту сдѣлался необыкновенный шумъ на улицахъ, возвѣспившій прибытіе Государя. Ударили въ колокола, раздались пушечные выстрѣлы, и народъ громкими восклицаніями привѣтствовалъ новаго Царя своего. Я въ сіе время споялъ уединенъ, какъ будто одинъ во всемъ мірѣ, облокотясь на спуль, гдѣ сиживалъ великій человекъ. Мнѣ явилася шѣнь его, и казалось, что духъ незабвеннаго парилъ надо мною. Я вспомнилъ, что на самомъ этомъ мѣстѣ я какъ будто предъугадалъ однажды близкую его кончину. За нѣсколько дней предъ вышупленіемъ нашимъ изъ Калиша, подалъ я ему для подписанія бумагу; вмѣсто прехъ черкъ, коими онъ обыкновенно оканчивалъ подпись своего имени, сдѣлалъ онъ ихъ гораздо болѣе, и — смощря на нихъ, сказалъ мнѣ: »кажется, что я ошибся.« — Вы

написали двѣ липеры лишнихъ; — опвѣчалъ я, но я ихъ выскоблю. — »Нѣпъ,« прервалъ онъ: »я эшу бумагу самъ уни-»чпожу; а ты вели мнѣ пригоповипъ»другую, пошому чпо Богъ знаетъ, чпо»обо мнѣ подумаютъ.« Какое-то предчув-спвѣе сказало мнѣ, чпо мы скоро его ли-шимся, и черезъ двѣ недѣли не спало по-го, для кошораго попомспво будешъ справедливѣе современниковъ.

Переночевавъ въ Калишѣ, опправились мы на другой день въ Варшаву.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Опъездъ изъ Вьны. — Прибытіе въ Минхепъ. — Баварскій Дворъ. — Пріездъ въ Спущгардъ. — Лудвигсбургъ. — Гейльбронъ. — Пріездъ въ Гейдельбергъ . . .	1
— II. Пребываніе въ Гейдельбергъ. — Загородный домъ Государя. — Военныя совѣщанія. — Побѣда при Ваперло. — Пріездъ Великихъ Князей. — Вышупленіе . . .	13
— III. Мангеймъ. — Шпейеръ. — Парижскія новости. — Денушашы Временнаго Правительсва. — Обращеніе съ Французами. — Паршизаны. — Нанси	21
— IV. Состояніе Франціи. — Опъездъ изъ Главной кварпиры. — Дорога до Шалона. — Дорога до Мо. — Въездъ въ Парижъ. — Свиданіе Государя съ Лудовикомъ XVIII. — Дворецъ Элизе-Бурбонъ. — Замѣчаніе о впоричномъ въездъ Государя въ Парижъ	36
— V. Расположеніе Парижанъ. — Графъ Сегоръ. — Аудіенція разныхъ лицъ. — Генераль Сарразень. — Переговоры. — Смощръ Англійскихъ войскъ. — Живописецъ Жераръ	45
— VI. Состояніе Парижа. — Выпреносшь Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военные. — Извѣстіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лабедоеромъ. — Чернь Парижская. — Бурбоны. — Герцогиня Орлеанская. — Тюльерійскій дворець	56
— VII. Смощръ при Вершю 26 Августа. — Вшорой смощръ 29 Августа. — Обѣдня въ лагеръ. — Иностранцы, находившіеся въ Вершю. — Объденный споль для Русскихъ	70
— VIII. Виды смощровъ Вершю. — Анекдошь о Наполеонъ. — Возвращеніе въ Парижъ. —	

- Окончаніе похода 1815 года. — Параллель
 между Александромъ и Наполеономъ . 85
- Глава IX.** Приготовленія къ опъвзду. — Вывздь
 изъ Парижа. — Пероннъ. — Камбре и Ва-
 лансіенъ. — Генераль Фуль. — Брюссель-
 скій Дворъ. — Поле Ваперлоскаго сраже-
 нія. — Дорога изъ Брюсселя въ Дижонъ 93
- **X.** Опъвздь изъ Дижона. — Дюръ. — Базель.
 — Цирихъ. — Коншанць. — Линдау . 102
- **XI.** Дорога изъ Линдау. — Приключеніе въ
 Ниренбергъ. — Прага. — Авспрійскіе чи-
 новники. — Угощенія — Празднованіе
 Лейпцигскаго сраженія. — Замокъ Пе-
 шерсвальде. — Дорога до Берлина. — Пре-
 бываніе въ сей споліць. — Калишь. —
 Воспоминаніе о Князь Смоленскомъ . . 113

